

Татьяна
УСТИНОВА
Ольга
Степнова

ВСЕГДА
ГОВОРИ
«ВСЕГДА» - 4

Книга по рейтинговому телефильму

Татьяна Витальевна Устинова
Ольга Юрьевна Степнова
Всегда говори «Всегда» – 4
Серия «Всегда говори
«всегда»», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4742712
Всегда говори «Всегда» – 4: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59305-7

Аннотация

Все вроде бы наладилось в непростой жизни Ольги Барышевой. С ней снова любимый муж и обожаемые дети. Но после измены Сергея уже нет в их семье полного доверия и всепоглощающего счастья, которое было когда-то, – Ольга подсознательно ждет от мужа нового предательства, а Сергей, конечно, чувствует это... Лучшая подруга Надежда как никогда нуждается в поддержке. Со дня смерти Грозовского прошло больше года, но Надя до сих пор не пришла в себя – смысл жизни потерян, и она заливает свое горе вином... В агентстве «Солнечный ветер», почти захиревшем без Грозовского, появляется крупный заказ. Ольга летит в Санкт-Петербург на переговоры, где знакомится с главой фирмы, занимающейся гостиничным бизнесом, Егором Погодиным.

Молодой синеглазый красавец, похожий на греческого бога, по уши в нее влюбляется. Теперь судьба искушает Ольгу – поддастся ли она соблазну, выдержит ли ее любовь к мужу новое испытание?..

Татьяна Устинова, Ольга Степнова

Всегда говори «Всегда» – 4

Часы пробили пять раз – гулко и многозначительно, – словно напоминая, что сегодня особенный день.

Утром, на рассвете, приехал Сергей с семьей, и квартира наполнилась шумными разговорами, смехом, детским гвалтом и топотом, одним словом – жизнью.

Леонид Сергеевич давно ждал их приезда – он не только зачеркивал в календаре прошедшие дни, которые приближали заветную дату, но и составил меню семейного ужина. Потом он много раз его менял, дополнял, и это занятие сделало ожидание не таким долгим и тягостным.

Готовить Барышев-старший любил. Пожалуй, если б не стал врачом-кардиологом, выбрал бы профессию повара. И брал бы призы на международных кулинарных конкурсах.

Леонид Сергеевич удовлетворенно осмотрел кипящие на плите кастрюли, заглянул в духовку, где доходила утка в апельсиновой глазури, и улыбнулся внучке, которая с кислым лицом пыталась очистить перепелиное яйцо. Скорлупа ломалась, крохотное яйцо то и дело выскальзывало из тонких пальцев, и Машка, судя по дрожащим губам, готова была вот-вот разрыдаться.

Яиц перед ней стояла целая миска.

Очистила она только одно.

Ничего, пусть девчонка терпению учится, подумал Леонид Сергеевич, с трудом сдерживаясь, чтобы не взять на себя этот кропотливый труд. Вот Костя – другое дело, – его никакой работой не испугаешь. Восемь лет пацану, а от усердия, с которым раскладывает по тарелкам салатные листья, глаза светятся. Если лист ложится неровно, он его поправляет – чтобы точно по центру! – и, полюбовавшись, подходит к другой тарелке с таким видом, будто делает что-то сложное и важное и за это ему должны поставить оценку.

Может, правду говорят, что приемные дети очень боятся потерять новую семью? И хоть все считают Костика родным, он наверняка не может забыть унылые стены детдома и тоскливое бесконечное одиночество, от которого его еще лечить и лечить, отогревать и отогревать...

Леонид Сергеевич передал внуку миску с натертым сыром и бодро скомандовал:

– Так, Константин, майонезику туда добавь и перемешай!

Костя с готовностью схватил миску, быстро отыскал в хаосе предпраздничной подготовки пачку майонеза, выдавил его тонкой струйкой в сыр и точно с таким же видом, как раскладывал листья салата, – будто делает что-то сложное и важное, – принялся его перемешивать, закусив от усердия губу.

Леонид Сергеевич не удержался и смачно чмокнул его в макушку. Костик довольно засмеялся и заработал ложкой

быстрее...

– Пусть лучше Костя мне поможет! – закапризничала Маша, отламывая скорлупу вместе с половиной яйца. – Они вообще не чистятся! Лучше бы куриные взяли!

– Машуня, главное качество повара – терпение. – Леонид Сергеевич взял пестрое маленькое яйцо и виртуозно – ловкими чувствительными пальцами хирурга – очистил его. – Мы же договорились, что должно быть не только вкусно, но и красиво. Вот увидишь, какая красота получится!

– Да какая разница, – недовольно проворчала Маша. – И так папа все съест.

Она тяжело вздохнула и взяла следующее яйцо.

– Я сделал! – радостно закричал Костя. – Лучше всех перемешал!

– Умница, – похвалил его Леонид Сергеевич, добавляя в сырную массу ту самую свою фирменную приправу, благодаря которой такой салат ни у кого не получится, «хоть ты тресни!», и из-за которой бы он выиграл все кулинарные конкурсы, если б стал поваром. – А теперь аккуратненько, по ложечке, в каждый листик...

Барышев-старший показал, как нужно раскладывать сыр. Костик, внимательно понаблюдав за ним, начал священнодействие, целясь ложкой точно в середину зеленых листьев.

– Мам! – возмущенно крикнула Маша, откладывая наполовину очищенное яйцо. – Я не могу больше! Помогите мне!

– Сейчас! – звонко откликнулась Ольга, сервировавшая

стол в соседней комнате. – Сейчас помогу...

Она впорхнула на кухню – легкая, сияющая, счастливая, с немного растрепанными волосами и нежным румянцем, выдающим, как эти хлопоты ей приятны.

Леонид Сергеевич невольно залюбовался невесткой.

Если бы было возможно – он такие ужины каждый день бы устраивал.

С «апельсиновой» уткой, с фирменными салатами, с кед-ровкой, с романсами, которые петь нужно обязательно за полночь и непременно под гитару...

– Ой, – вдруг вспомнил Барышев-старший, – а самое главное-то я и забыл!

– И что у нас самое главное? – весело поинтересовалась Ольга.

– Помидорчики такие... красивые, – Леонид Сергеевич сделал неопределенный жест рукой. – Забыл, как называются, но без них – ну, никак!

– «Этуаль», – засмеялась Ольга, – по-французски – звезда.

– Да, да... Их когда режешь, звездочка получается.

– Не волнуйтесь, папа... Я Сереже поручила их на базаре купить.

– Надеюсь, эти «этуали» чистить не надо, – буркнула Маша, беря очередное перепелиное яйцо.

– Машка! И не стыдно тебе?! – шутливо возмутилась Ольга. – Это же не лук резать... – Она взяла яйцо и быстро его очистила. – Вот смотри, как надо, руки-крюки...

– А хотите, я все-все сделаю? И порежу, и почищу, – предложил Костик, забирая у Маши недочищенное яйцо.

– Ладно, – вздохнул Леонид Сергеевич, присоединяясь к чистке яиц, – так и быть, помогу. Но звездочки ты резать будешь, Машунь! Сама! Потому что главное в кулинарии – терпение. Ну, и... мои приправы.

Все рассмеялись – даже Машка, – звонко и заразительно.

Барышев бродил по рынку в полном недоумении и растерянности.

На прилавках лежали только обыкновенные помидоры, а Ольга просила купить замысловатые, ребристые, в форме звезды, с красивым названием «Этуаль».

Просьбу ее, вернее даже приказ, надо выполнить непременно, иначе семейный праздничный ужин может оказаться под угрозой срыва – потому что обычные помидоры «не обладают нужной художественной ценностью», как выразилась Ольга.

Сергей знал, что «художественная ценность» – неременное требование отца, и от этого его миссия по покупке экзотических помидоров становилась еще ответственной.

Он два раза прошел вдоль рядов с овощами и уже почти признал свое поражение, как вдруг увидел эти самые «Этуаль». Они лежали не горкой, как обычные помидоры, а находились в прозрачных пластиковых коробочках.

Поэтому он их сразу и не заметил.

Сергей подошел к прилавку и повертел коробочку в руках.

– Берите, берите, это то, что вам надо, – затараторила продащица. – У нас такие же еще желтые есть! Смотрите, какая прелесть! – Она сунула Сергею в руки коробочку с желтой «прелестью».

– А какие лучше? – уточнил Барышев, с облегчением понимая, что семейный ужин спасен.

– А вы обе возьмите, не ошибетесь, – отрапортовала бойкая тетка, опытным глазом определив платежеспособность клиента в дорогом костюме.

– Сколько с меня? – Сергей сунул руку в карман за кошельком.

Пожалуй, разноцветные «звездочки» придадут блюду большую «художественную ценность», чем просто красные...

– Двести рублей! Еще пару коробочек возьмете, я скидочку сделаю! За триста пятьдесят берите.

Сергей достал деньги и вдруг услышал за спиной возмущенный, до боли знакомый голос:

– Нет, это не рынок! Это не российский рынок! Это...

– Юрий Владимирович! – подхватил незаконченную реплику подобострастный тенорок. – Все же свежее, у нас сертификаты! Никто не жаловался, пенсионерам скидка, весы электронные, немецкие!

Барышев обернулся. Между рядов размашисто и уверенно, словно большой начальник, шел друг детства Юрка Гра-

дов.

Сергей улыбнулся невольно. Градов его не видел – он хмурился и гневался на маленького человечка в помятом костюме, который аллюром бежал от него сбоку, преданно заглядывая Юрке в глаза.

– Вот, вот! – громогласно заявил Градов, широким жестом охватывая прилавки. – Весы немецкие, куры американские, свинина бельгийская! У тебя два хозяйства под боком, свое мясо, свои овощи свежайшие, а ты из рынка морозильную камеру для импорта сделал!

Мужичок – по всей видимости, директор рынка – вспыхнул, залился румянцем и рукавом мятого пиджака вытер со лба испарину. «Вот попал», – отчетливо читалось на его лице.

Юра, так и не заметив Барышева, подошел к нему и, глядя на разноцветное великолепие прилавка, грозно, словно царь-батюшка, спросил:

– Где помидоры?! Где огурцы?! Почему у меня фермеры стонут – некуда продукцию сбывать, на складах гниет?!

Барышев едва сдержался, чтобы не захохотать в голос – Градову только скипетра не хватало и короны на голове, Юрке – доброму, шkodливому Юрке, вечному зачинщику шалостей, самой опасной из коих была сооруженная из магния с марганцовкой самодельная бомбочка. Она рванула так, что еле живы остались... Волосы обгорели, и приключилась контузия, о которой они, ясно дело, родителям не сказали.

– А вот помидорчики! – Продавщица схватила с прилавка коробку с помидорами сорта «Этуаль» и сунула Юрке под нос. – Смотрите, какие красавчики!

Градов сфокусировал взгляд на «красавчиках» и от праведного гнева пошел красными пятнами.

– Где помидорчики?! – выхватив у опешившей тетки экзотические помидоры, он потряс коробкой над головой, как погремушкой. – Это?! Это какое-то недоразумение египетское!

– Турецкое, – обиженно поправила его продавщица.

– Люда, помолчи, – чуть не плача, взмолился директор и из-за спины Градова показал Люде невнушительных размеров кулак, который не произвел на нее никакого впечатления.

– Чё помолчи-то?! – завелась Люда. – А люди берут!

– Какие люди берут? – с непередаваемым сарказмом воскликнул Градов. – Люди берут, потому что ничего другого нет! Где эти люди, покажите мне! – Он обернулся по сторонам, невидящим взглядом скользнув по Барышеву.

Сергей, не в силах больше сдерживать смех, подошел к Юрке.

– Здравствуйте, свет Юрий Владимирович, – почтительно поклонился он, держа в руках две коробочки с помидорами, так возмутившими «взрывателя» Градова.

– А-а... – растерялся «взрыватель». – Э-э...

Он, глядя в упор на Сергея – минуту, наверное, пялился,

не меньше, прежде чем узнал, – просветлел лицом и радостно заорал, как нормальный Юрка Градов, а не Зевс-громовержец и не царь-батюшка:

– Серега?! Ты!

И захлопал его по плечам огромными сильными лапищами, и обнял так, что хрустнул шейный позвонок, и даже расцеловал в обе щеки, обдав ароматом терпкого парфюма.

– Серега! Да неужели ты?! Вот так! – Юрка обернулся к директору и, ткнув Барышева указательным пальцем в грудь, опять «включил» царя-батюшку: – Московский олигарх приехал отдохнуть на родину, а ему помидоров нормальных не продадут! Это что, порядок?!

Директор присел в угодливом реверансе, во все глаза пялясь на Барышева, а продавщица насмешливо фыркнула, давая понять, что олигархи для нее – самые обычные покупатели.

– Вообще-то я сам такие просил, – пришел на выручку совсем растерявшемуся директору Сергей. – Отцу именно звездочки нужны. Ты же знаешь – у него дизайн.

– Дизайн... – Градов положил тяжеленную руку ему на плечо и мрачно вздохнул: – А у меня бардак!

Нахмутив смоляные брови, Юрка бросил грозный взгляд на директора:

– Чтоб через неделю половина продукции на рынке была – наша! Все понятно?! Больше объяснять не буду. Иди!

Пробормотав что-то нечленораздельное, директор, бес-

прерывно кивая и утирая пот рукавом, ретировался, растворившись в суете рынка, словно бестелесный призрак.

– Ох, и лютуешь ты, барин! – покачал головой Сергей.

– Барин! – не без самодовольства рассмеялся Юрка. – Что, рассказали уже?

– А как же! Отец первым делом сообщил, что ты в мэры намылился.

– Намылился! Только еще на выборах победить надо. Ты к нам надолго?

Пробираясь через полуденную толкотню, они направились к выходу.

– Да как надолго? – пожал плечами Сергей. – Юбилей отца отметим, пару дней отдохнем – и назад.

Он хотел сказать, что надо бы задержаться подольше – очень уж по отцу соскучился, да и сдал тот в последнее время, похудел, побледнел, осунулся, все время таблетки какие-то украдкой глотает, – а вот они приехали, в доме суета, хохот, и он отошел вроде – повеселел, порозовел, таблетки все реже пьет...

Сергей хотел все это сказать, но... не сказал. К чему будущему мэру мелкие семейные сентиментальности? У него проблемы глобальные и интересы масштабные...

– Да, юбилей... – задумчиво протянул Юра, подходя к лоснящемуся на солнце «Мерседесу» представительского класса и открывая его небрежным движением с брелока сигнализации. – Семьдесят лет Леониду Сергеевичу, с ума сой-

ти.

– Ерунда, – улыбнулся Барышев. – Крепкое поколение, дай бог нам такими быть.

Он чувствовал себя неловко – с пакетами в руках и без машины, куда можно было бы немедленно и привычно упаковать нелепую розовую поклажу, мешающую чувствовать себя солидным и серьезным.

– Садись, подвезу, – предложил Градов, пытаясь забрать у Сергея пакеты. – Ты ж тут без машины?

– Да нет, спасибо... Я на такси сто лет не ездил, – неожиданно для себя сказал Сергей и засмеялся: – Могу я хоть дома побыть нормальным человеком, а не ВИП-персоной?

– Ну, побудь, – весело согласился Градов и, хлопнув его по плечу, уточнил: – В субботу увидимся?

– Увидимся, напьемся, наговоримся.

– Лучше сначала наговоримся, а потом – напьемся.

– Согласен. А машинка у тебя – ничего!

– А ты думал!

Юрка прыгнул за руль и, газанув, умчался с лихостью той самой «ВИП-персоны».

Хотел стать путешественником, как Марко Поло, с грустью подумал Сергей. А стал – чиновником, депутатом, кандидатом в мэры. Впрочем, я тоже не космонавт, усмехнулся он про себя. Випы разные нужны, випы разные важны...

Поймать такси в родном Новосибирске оказалось делом почти невозможным. Машины с шашечками проносились

мимо как метеоры, не реагируя на взмах руки. Наконец остановился частник на чадающей черным дымом ржавой «восьмерке».

Вот и хлебнул житейских радостей нормального человека, подумал Сергей, с трудом устраиваясь в тесном, пропахшем бензином нутре «восьмерки».

– А?! Как у нас получилось! – воскликнул Барышев-старший, укладывая последнюю желтую «звездочку» в тарелку с салатом.

– Красота! – поддержала Ольга его восторг. – Такое даже есть жалко!

– Кому жалко, может не есть. А меня вы не остановите! – заявил Сергей, стремительно схватив с одной из тарелок маленькое яйцо и засунув его в рот.

Он тут же получил от Ольги подзатыльник и успел поцеловать ее в плечо, прежде чем она, подхватив блюдо с золотистой, источавшей невероятные ароматы уткой ушла в комнату.

Барышев остался на кухне один на один с отцом.

– Дай хоть обниму тебя, кулинар! – Сергей сграбастал его в охапку и прижался щекой к щеке, с тоской и болью осознавая, как редко они видятся, разговаривают по душам, смотрят в глаза друг другу. И как неумолимо уходит время, отсекая год за годом, отсчитывая минуты и мгновения, которые он мог бы провести рядом с отцом.

Черт бы побрал этот его «ВИП-статус», если они так редко видятся.

Сергей почувствовал, как запершило в горле и от нахлынувшей нежности сжалось сердце...

— Ну, все, все, железная лапа, — дрогнувшим голосом проворчал Леонид Сергеевич, пытаясь вывернуться из сомкнутых рук Сергея. — Отпусти, раздавишь!

— Ой, вот только не надо строить из себя немощного пенсионера, — засмеялся Сергей, пытаясь этим смехом скрыть внезапную нежность, и благодарность, и... что там еще так сжимает мохнатой, твердой лапой душу и сердце... — Все равно никто не поверит, что тебе семьдесят!

— И все-таки мне семьдесят, Сережа, — грустно усмехнулся отец, потирая рукой грудь и морщась, словно от боли.

— Пап, ты что?!

Нежность и благодарность заслонили тревога и беспокойство — отец явно чего-то недоговаривал и хотел казаться бодрее и веселее, чем позволяло здоровье...

— А что? — с наигранным задором подмигнул сыну Леонид Сергеевич. — Устал малость, подумаешь. Давно на большую семью не готовил, без тренировки тяжело. Ну, пойдем!

Он подхватил два блюда с салатами и пошел в комнату, напевая свой любимый романс:

— Отвори потихоньку калитку...

Нет, нет, у него не может быть проблем с сердцем, успокоил себя Сергей. Он же врач-кардиолог! И все знает о сер-

дечных болезнях. И сам себя вылечит, если что...

Промелькнула отдаленная, неявная мысль – это про чужие сердечные болячки отец все знает, а на свою закрывает глаза, – но Сергей не дал этой мысли хода, взял со стола запотевший, холодный графин кедровки и понес к столу.

Ей все говорили, что она сильная и надо жить ради ребенка.

Никто – ровным счетом никто! – не понимал, не мог догадаться, допустить мысли, что она слабая, и жить только ради маленького Дим Димыча просто не может.

Не хочет.

Без Димки-старшего.

К чему просыпаться, если его нет? К чему дышать, говорить, двигаться, есть, спать и думать?

Все потеряло смысл с его смертью.

Все потеряло смысл.

Даже ребенок.

К чему ей ребенок, если Грозовский погиб?

Если от его улыбки, рук, глаз, шуток, – от его любви к ней, – остался лишь памятник на могиле... Белый мрамор, который – люби его, не люби – останется белым мрамором тысячи лет...

Вот бы люди были из мрамора... Хорошие из белого, плохие – из черного.

Надя ни разу не съездила на кладбище после похорон. По-

тому что Димки там не было.

Она придумала, что он жив, и ждала его дома – убирала к приходу Димочки квартиру, пекла пироги, варила борщи и ругала Дим Димыча, когда он разбрасывал игрушки:

– Сейчас папа придет, а у нас беспорядок!

– А когда он придет? – хныкал Димка-маленький.

– Скоро. Вон, слышишь, уже ключ в замке поворачивается...

Надя бросалась к двери, но звук поворачивающегося в замке ключа каждый раз оказывался иллюзией – борщи прокисали, пироги пропадали, мебель в квартире опять покрывалась пылью.

Время шло, а Грозовский не возвращался.

Он улыбался с портрета на стене – сиял глазами и словно говорил: «Подожди еще немного, матушка! Еще чуть-чуть... Ну что ж ты такая нетерпеливая!»

Надя ждала, с каждым днем все отчетливее понимая – он не придет.

Не обнимет, не поцелует, не наорет, не попросит поесть. Не отругает за глупую ревность. Не ужаснется новым ярким с тигриными мордами накидкам на креслах. Не скажет «ну и вкус у вас, матушка»...

Не, не, не...

Не воскреснет.

Осознание этого давалось с трудом. С дикой болью, которую не унимали ни снотворное, ни транквилизаторы, ни ал-

коголь.

Если бы еще Дим Димыч не спрашивал:

– Когда папа придет?

И не бежал к двери, услышав шум подъезжающего лифта, с криком «Папа!».

Как-то Надя, подхватив сына на руки, сказала ему:

– Папа умер.

– Заболел? – уточнил Димка-маленький.

– Умер. И... – «Улетел на небо», хотела сказать Надя, но не смогла, потому что...

Никуда он не улетел.

Его закопали в глинистой, рыжей, вязкой земле, которая к нему не могла иметь никакого отношения.

– Он не придет? – спросил Дим Димыч с недетской серьезностью.

– Я не знаю, – заплакала Надя, уткнувшись в ту самую накидку на кресле, за которую ее должен был отругать Грозовский. – Я ничего не знаю...

– Мы его подождем, мамочка, – погладил ее по коленке Дим Димыч теплой ладошкой. – Папа соскучится и вернется.

Легче самой умереть, в первый раз тогда подумала Надя. Чтобы рядом, в рыжую землю, под белый памятник...

В тот вечер она напилась снотворного – выпила все таблетки, какие были в доме.

А утром очнулась в больнице под капельницей.

Оказалось, Дим Димыч не смог ее разбудить и разревелся

так громко, что прибежали соседи...

Вот тогда Надя в первый раз услышала, что «она сильная и должна жить ради ребенка». Это твердили все – Ольга, Барышев, девчонки из «Солнечного ветра», медсестры, врачи и еще кто-то – она не очень хорошо тогда различала людей...

В общем, умирать было нельзя.

А жить – невозможно.

И абсолютно бессмысленно.

Но все от нее чего-то требовали и ждали.

Требовали и ждали!

Агентство, которым надо руководить, Дим Димыч, которого надо гулять-кормить-развлекать, Ольга, которая доставала ее своими визитами и нравоучениями, подруги, которые требовали, чтобы она немедленно с кем-нибудь познакомилась и наладила свою личную жизнь.

Это было невыносимо.

И если раньше ей хотелось умереть самой, то теперь она убила бы всех вокруг – таких правильных, знающих, умных.

Эту вызревшую в ней злость, это отчаяние Надя научилась глушить.

Коньяком. Или виски.

Полбутылки горячительного делали ее существование если не сносным, то хотя бы менее страшным.

Ей снова начинало казаться, что Димка вернется.

Но действие спиртного заканчивалось, и она понимала – Димки нет, а значит, и ее – тоже.

С утра ее опять стали донимать, учить жизни, наставлять на путь истинный.

Приперлась бухгалтерша из агентства, по-хозяйски, не разуваясь, зашла в квартиру и, брезгливо сдвинув пустую бутылку из-под виски, разложила на столе бумаги. Надя, поморщившись, стала подписывать документ за документом в том месте, куда указывал длинный палец Нины Наумовны.

– Надежда Петровна, завтра заказчики приедут, проект утверждать будем, – зудела бухгалтерша, как надоедливая осенняя муха. – Вам бы прийти.

– Зачем? – Надя тут же пожалела, что задала этот вопрос – надо было кивнуть и не прийти, – чего проще?

– У нас заказы срываются из-за того, что клиенты хотят с директором переговорить, а вас нет.

Строгий палец бухгалтерши постучал по столу, вызвав у Нади приступ головной боли.

– Все, иди, – приказала она Нине Наумовне с ее перстом указующим и еле сдержалась, чтобы не запустить в нее пустой бутылкой.

– Надежда Петровна, посмотрите эскизы? Тимур очень просил...

– Отстаньте от меня! – вскочив, закричала Надя и все же схватила бутылку, нет, не для того, чтобы бросить ее в надоедливую бухгалтершу, а лишь удостоверится, что в ней ничего нет. – Я ничего не понимаю в эскизах, – сбавив тон,

чуть не плача, простонала она. – Что? Что вам всем от меня надо?!

Нина Наумовна, пряча глаза, собрала со стола бумаги, наспех упаковала их в папку и, стуча каблуками, пошла в прихожую. Надя, запахнув халат, побрела за ней. У двери бухгалтерша обернулась.

– Скоро будем нулевые балансы подписывать, – произнесла она тихим, извиняющимся тоном, словно займы просила.

– Мне не нужны ваши балансы!

В детской заплакал Дим Димыч.

– У меня ребенок, вы понимаете это?! – надрывно крикнула Надя.

Нина Наумовна дрожащей рукой сама справилась с замком и поспешно шмыгнула за дверь – словно с места преступления скрылась.

Димка-маленький продолжал рыдать в детской. Надя быстро прошла на кухню – где-то в недрах холодильника была припрятана бутылка виски, лекарство от проблем.

Заветную бутылку она не нашла, хотя перерыла весь холодильник, выбрасывая немногочисленные продукты прямо на пол. Дим Димыч продолжал голосить. Надя зажала уши, слушая глухие удары своего сердца. «Нужно что-то делать, – подумала она. – Срочно нужно что-то делать!»

Она бросилась в детскую, поцелуями успокоила сына и стала быстро его одевать, путаясь в колготках, кофточках,

маечках и штанишках.

– Посиди здесь, – попросила она Дим Димыча, остановившись возле солидной дубовой двери с табличкой «Агентство «Золотые Кадры».

– Ты за папой? – с надеждой спросил сын, послушно усаживаясь в глубокое кресло напротив аквариума.

– За папой, за папой... – Надя без стука открыла дверь и оказалась в просторной комнате, где за столом сидела девушка – типичная секретарша, – строгий взгляд поверх стильных очочков, «ракушка» из светлых волос, белая блузка с пеной кружев под подбородком...

Надя усмехнулась невольно – совсем недавно она была хозяйкой такого вот точно агентства «Золушка», которое решало все бытовые проблемы граждан. И точно такая же секретарша отвечала в ее приемной на звонки.

«Золушку» Надя ликвидировала сразу после смерти Димки. Сил не было заниматься делами, которые приносили ей радость при жизни Грозовского.

– Здравствуйте, – с дежурной улыбкой поздоровалась девушка.

Надя не удостоила ее ответом, взяла со стола пухлую папку, села в кресло для посетителей и начала просматривать фотографии.

– Вам няня нужна?

Надя опять промолчала – а кто ж ей еще нужен, если на

папке, которую она листает, крупными буквами написано «Няни»?

Голова раскалывалась, требуя утренней порции спиртного, сердце стучало в груди как молот, перед глазами мелькали сладостно-любезные лица нянь, от которых стало мутить, да еще эта менеджер-секретарь-кукла подошла к ней и вздумала вдруг зудеть над ухом, указывая безупречно наманикюренным пальцем почти на каждую фотографию.

– Вот эта, обратите внимание... А вот, посмотрите, какая...

Надя на секунду зажмурилась – как же достали сегодня эти «персты указующие», эти поучающие, советующие, холеные пальцы...

Она захлопнула папку, едва не прищемив красивый гелевый ноготь.

– У вас что, все няни с двумя образованиями? – усмехнулась она, в упор посмотрев на девушку.

– Да! – с вызовом ответила секретарша. – А что в этом плохого?

– Ничего, – пожала плечами Надя, отбросив папку на стол, словно она жгла ей руки. – Только, чтобы ребенку кашу сварить, высшая математика необязательна, по-моему. Или я что-то путаю?

Девушка, будь она неладна со своим маникюром, постучала пальцем по столу – ну, точно как Нина Наумовна – и не допускающим возражений тоном парировала:

– Но вы же наверняка хотите, чтобы няня удовлетворяла не только материальные потребности вашего ребенка...

– Но и духовные! – ерничая, перебила ее Надежда, не в силах выслушивать эту нотацию. – Девушка! Вы сами-то слышите, что говорите?! Мне нужна аккуратная, исполнительная женщина, способная накормить моего сына и занять его самой простой детской игрой!

– Не развивающей? – язвительно уточнила девица, презрительно глянув на стоптанные и нечищенные Надины туфли – а зачем их чистить, если Димки нет...

– Развивающей!!! – взорвалась Надя. – Но два высших образования зачем?! Чтобы денег с меня побольше содрать?!

– Женщина, – ледяным тоном произнесла менеджер с внешностью секретарши, – вы пришли в элитное агентство. Да, наши услуги недешевы, но зато мы гарантируем качество. Нанимая нашу няню, вы можете быть уверены, что она не обворует вас, не бросит ребенка, сможет ему, в случае необходимости, оказать первую медицинскую помощь.

– А те, у кого одно высшее образование, значит, обязательно обворуют? – зло прищурилась Надя.

– Да что вы прицепились к этому образованию? – Презрительно скривив губы, девица вернулась за свой стол, села и с царственным видом поправила кружева под подбородком. – Нет у вас денег – так и скажите! Наймите соседку за три копейки и радуйтесь!

– И найму!

Надя встала и, повернувшись к девице спиной, направилась к двери, стуком каблучков выражая всю свою ненависть и раздражение.

– И наймите! А лучше сами своим ребенком занимайтесь. А деньги пусть муж зарабатывает. Если он у вас есть, конечно...

Эта гадина всадила ей в спину нож. Надя почувствовала, как горячо стало между лопаток и как больно... Она медленно повернулась к бездушно-кружевной кукле и, отчетливо проговаривая слова, сказала:

– Есть... Да такой, какой тебе и не снился...

Она как-то так это произнесла, что кукла побледнела и невольно отпрянула назад, колыхнув кружевами...

Дим Димыч заворуженно наблюдал за рыбками и не заметил, как Надя вышла из кабинета.

Между лопатками продолжало болеть и гореть – словно под блузкой текла горячая кровь. Если б не Димка-маленький, Надя завывала бы, зарыдала, забилась в истерике прямо тут, перед огромным аквариумом с равнодушными рыбами. Но истерить было нельзя, приходилось терпеть эту боль, эту кровь, и Надя открыла сумку, достала бутылку виски, которую купила по дороге сюда, отвернулась к двери и украдкой сделала пару спасительных, отрезвляющих, обезболивающих глотков...

Боль немного утихла, а кровь оказалась банальным потом.

Можно было попробовать жить дальше... Плохонько, худо-бедно, но жить без Димки – ради Димки-маленького...

– Пойдем! – Надя за руку стащила Дим Димыча с кресла и повела за собой.

– А где папа? – плаксиво пропищал сын, не отрывая от рыбок глаз.

– Папа на небе, – жестко сообщила ему Надежда и, уже не таясь, снова достала виски и хлебнула.

Дим Димыч тихонько завыл, заскулил – то ли понял наконец, что папа никогда не вернется, то ли сообразил, что теряет и маму...

Генеральная репетиция юбилея в семейном кругу удалась на славу.

Ольга не сомневалась – и другие два «отделения» празднования запомнятся не только кулинарными шедеврами, но и душевной атмосферой, которую Леонид Сергеевич создавал одним своим присутствием.

Завтра предстояло организовать торжество для близких друзей и знакомых, а послезавтра – для коллег Леонида Сергеевича по кафедре кардиологии. И хоть Барышев-старший был немного бледен, то и дело потирал грудь, Ольга не сомневалась – вся эта суета, хлопоты, часы, проведенные на кухне, доставляют тестю радость и удовольствие.

Они уже и кедровку прикончили, и чаю с тортом попили, и романсы все по несколько раз перепели, а расходиться все

не хотелось, хотя время давно перевалило за полночь и дети уж часа три как должны были спать...

– Петеньку няня на море забрала, – подперев кулаком подбородок, грустно продолжила Ольга свой рассказ. – У нее в Крыму дом, она своих внуков туда каждый год на все лето увозит...

– Скучаешь? – погладил ее по руке Леонид Сергеевич.

– Очень! – вздохнула Ольга. – Но за Петю я спокойна, он Анну Алексеевну любит. – Она улыбнулась, вспомнив, как Петька нежно называет няню Аней, и добавила: – По-моему, даже больше, чем меня.

– Ну, это глупости! – Леонид Сергеевич встал и бережно положил на диван гитару.

– Мы Аню все любим, – пояснил Костик, собирая вместе с Машей прямо на полу из конструктора, подаренного дедом, огромную средневековую крепость – с башнями, амбразурами и бастионами.

– Но уж точно не больше мамы! – воскликнула Машка.

Ей приходилось труднее всего на этом семейном празднике, потому что и новой кукле хотелось прическу сделать, и «строительство» под контролем держать.

Ольга налила всем крепкий свежесваренный чай.

– А Миша в колледже, в Англии. Представляете, звонит мне и по-английски говорит. Их там только по-английски говорить заставляют, называется – обучение методом погружения. Но я-то его не понимаю!

– А я понимаю! – Бросив куклу и «стройку», Машка усе-
лась за стол и положила себе на тарелку последний кусок тор-
та. – Он в прошлый раз сказал, что по математике двойку
получил! – с набитым ртом сообщила она.

– Как двойку? – Ольга замерла с поднесенной к губам
чашкой, потом грохнула ее на блюдце так, что чай выплес-
нулся. – Понятно теперь, почему он не хочет, чтобы я его
понимала! – Она возмущенно посмотрела на Сергея, но он,
не разделив ее праведного гнева, только пожал плечами.

– Мама! – прожевав торт, укоризненно воскликнула Ма-
ша. – Там же все наоборот! Там двойка – хорошая оценка.

– Да? Я не понимаю, как это двойка может быть хорошей
оценкой. – Она снова посмотрела на Сергея, но тот толь-
ко улыбнулся и тайком погладил ее под столом по коленке,
словно говоря – главное, я люблю тебя, остальное ерунда...

– Я тоже этого никогда не понимал! – засмеялся Бары-
шев-старший, похлопав Сергея по шее. – А выяснилось – ни-
чего страшного, вон, какой бизнесмен получился!

– Угу, – буркнул Сергей. – Олигарх! Меня тут, оказыва-
ется, так называют.

– Знаменитость! – Несмотря на ироничный тон, глаза у
Леонида Сергеевича засветились гордостью. – Столичная
штучка! А уж сколько лет мы с этой математикой мучи-
лись...

– Вот так! – Сергей победно похлопал отца по плечу. –
А по английским меркам я был бы круглым отличником.

Леонид Сергеевич захохотал – молодое, веселое, – неожиданно легко встал и достал из серванта объемный сверток.

– Это тебе, Оля, – слегка смущаясь, протянул он его Ольге. – Я, конечно, в этих ваших художествах не разбираюсь, но зашел в специальный магазин и попросил самое лучшее. Как, не обманули? – Он с легким беспокойством заглянул ей в глаза.

Она задрожавшими руками развернула подарок и увидела там то, что больше всего боялась увидеть – краски, кисти, бумагу...

Краска, кисти, бумага.

То, к чему она не прикасалась уже больше года, потому что...

Потому что нужно было стереть из памяти тот последний портрет, из-за которого чуть не рухнула ее жизнь, из-за которого она чуть не потеряла Сережу. Нет, конечно, портрет был ни при чем, все произошло бы и без него, но как только она собиралась заняться своим любимым занятием – рисованием, перед глазами всплывали губы, волосы, глаза и овал лица той, что вела грязную игру у нее за спиной, пока она ее рисовала...

Сергей тоже увидел, что в свертке, изменился в лице, нервно откашлялся и, чтобы скрыть замешательство, бросился помогать Костику достраивать крепость.

– Спасибо, папа... – тихо сказала Ольга, не совладав с задрожавшим голосом и губами, которые скривились, как у ма-

ленькой девочки, готовой заплакать.

– Вот это номер! Ты плакать, что ли, собралась? – Барышев-старший обнял ее за плечи и забрал сверток. – Что, кисточки не те?! Завтра вместе пойдем и обменяем... – Он вдруг поймал напряженно-тревожный взгляд Сергея, замолчал, поняв, что сделал и сказал что-то не то, отшвырнул на диван подарок и закашлялся, потирая грудь.

– Что вы, кисточки великолепные! – Ольга схватила кисти и прижала их к груди, глазами дав понять Сергею, чтобы он не смел, ни в коем случае не смел ни жестом, ни взглядом напоминать отцу о «той» истории. Она взяла бумагу, карандаш, который нашла возле телефона на тумбочке, и быстрыми, легкими штрихами стала набрасывать портрет Костика.

Пропади они пропадом, все ее страхи и предрассудки, если они стоят хоть капли здоровья Леонида Сергеевича!

– Давно я уже не рисовала, – с наигранной веселостью сказала Ольга. – В Москве крутишься, крутишься, а дела только накапливаются... Откуда они берутся?

– Так в чем же проблема? – Барышев-старший, сев рядом с ней, стал наблюдать, как на бумаге появляется лицо Костика. – Оставайся у меня на лето, я тебе такие места покажу за городом! Пейзажи будешь писать! Гена, друг мой, придет, вместе на рыбалку ходить будем! Ты любишь рыбалку?

– Мама портреты любит! – Машка прыгнула Ольге на колени, карандаш поехал, перечеркнув лицо Костика.

Губы у Ольги опять предательски задрожали, она от-

бросила карандаш, смяла бумагу. Такой прекрасный вечер омрачил призрак из прошлого.

Оксана...

Красивая, очень красивая. Из-за нее Сергей потерял разум, продал душу и едва не погиб.

Леонид Сергеевич встал, собрал со стола грязную посуду и ушел на кухню.

Машка побежала за ним.

Сергей подошел к Ольге, поднял ее с дивана, взял в охапку, прижал к себе.

– Ты будешь рисовать, будешь, – прошептал он ей на ухо. – Потому что есть я и ты, и мы любим друг друга, и... я объявлю голодовку, если ты зароешь свой талант в землю!

– Не зарю, – прошептала Ольга куда-то ему в подмышку.

С каждым разом виски требовалось все больше и больше...

Чтобы унять боль, чтобы не ударить кого-нибудь в ярости, чтобы...

В общем, чтобы хоть как-то жить, не поддаваясь соблазну опять напиться таблеток.

– Мама, смотри! – крикнул Дим Димыч, приготовившись скатиться с крутой пластиковой горки. – Мама!

– Играй, Димыч, играй, – пробормотала Надя, даже не взглянув на сына. Она нащупала в бездонном кармане растянутой кофты спасительную бутылку.

И пусть соседи из окон видят, как она пьет из горла спиртное прямо на детской площадке – плевать... Плевать, потому что уже больше года нет Димки. Солнце светит, птицы поют, небо – вон какое хрустально-прозрачное, голубое, Димка-маленький катается с горки, а Димочка – в рыжей липкой земле. И неизвестно еще, сколько лет без него пройдет, сколько сил нужно в себе найти, чтобы пережить много страшных, безысходных, безрадостных дней...

Надя не заметила, как выпила почти полбутылки. В действительность ее вернул громкий плач сына. Она спрятала бутылку в карман, вытерла губы рукавом кофты и только потом посмотрела в сторону горки.

Дима лежал на земле и ревел навзрыд, схватившись за разбитую коленку.

Надо было, наверное, броситься к нему, поднять, успокоить... Посмотреть, насколько опасна рана. Но Надя словно кино смотрела – скучное и незахватывающее. Еще бы глоточек сделать, и еще, чтобы плач этот звучал потише...

К Димке бросилась проходившая мимо соседка, Ангелина Васильевна – тетка лет пятидесяти пяти, с бесцветным, скучным лицом кабинетного работника.

«Сейчас учить будет», – тоскливо подумала Надя и все-таки успела сделать глоточек, пока Ангелина поднимала Димку, отряхивала ему коленки и успокаивала, глядя по голове.

Димка затих, перестал рыдать. Ангелина Васильевна взяла его за руку, подхватила пакет с продуктами, который бро-

сила на землю, когда поднимала Димыча, и с решительным видом направилась к Наде.

– За ребенком смотреть надо! – гаркнула она издалека хорошо поставленным голосом, но когда подошла – вдруг смягчилась, потеплела лицом и, горько вздохнув, тихо сказала, словно выдав что-то сокровенное: – Наверное, и за моим Сашенькой никто не смотрит.

– За каким Сашенькой? – равнодушно поинтересовалась Надя, с облегчением поняв, что соседка не собирается ее отчитывать.

– За внуком! – Сев рядом с Надей на скамейку, она усадила Димку себе на колени и продолжала жаловаться тихим, проникновенным голосом: – Сын работает целыми днями, семью обеспечивает. А невестка... – Ангелина Васильевна махнула рукой, обозначив, что невестка ее доброго слова не стоит.

– Что-то я никогда не видела тут у вас внука, – усмехнулась Надежда, припомнив, что всегда встречает соседку в полном одиночестве.

– Не доверяют! – Ангелина, закусив от обиды губу, поправила на Димке панамку и подтянула носочки. – Педагогу с тридцатилетним стажем, заслуженному учителю! Невестка сама, видите ли, справляется!

– Значит, справляется... – Надя внимательно – насколько могла – посмотрела на Ангелину Васильевну.

Соседка, живущая этажом выше, да еще с таким «послуж-

ным списком», могла бы помочь ей справиться с главной проблемой – неприсмотренным, неухоженным Димкой...

– Знаю я, как она справляется, – проворчала Ангелина. – Да и мои чувства не мешало бы понять. Я детей люблю. И меня дети любят. Я в школе всю жизнь проработала, завучем! Я к ним подход знаю!

Интересно, пахнет ли от нее алкоголем? Надя вытерла рот пальцами, словно это могло избавить от запаха. Да в конце концов, если и пахнет – весь подъезд знает, какое у нее горе...

Решившись, она повернулась к соседке и, глядя на ее старомодную сережку с выцветшей бирюзой, выпалила:

– Ангелина Васильевна, а вы не могли бы мне помочь? За Димочкой присмотреть. Погулять с ним, накормить... Поиграть, порисовать...

– А у тебя что, дела? – настороженно перебила ее Ангелина.

– Дела, – Надя выдохнула в сторону. – В агентство завтра хотела идти... А тут как удобно, мы – соседи, у вас педагогическое образование. Вы не беспокойтесь, я вам платить буду!

Кажется, соседка про себя усмехнулась, снисходительно и понимающе – как же, будешь! Ты же алкашка...

– Не надо мне платить! – словно в подтверждение Надиной догадки воскликнула Ангелина и гордо добавила: – Я ни в чем не нуждаюсь, мне сын помогает!

– Так возьметесь?! Димочка хороший мальчик, послуш-

ный.

Соседка вздохнула, опять поправила на Димке панамку, секунду подумала и вдруг с запальчивостью обиженного человека выкрикнула:

– А что ж, и возьмусь! Может, сын одумается, когда увидит, что я чужого ребенка воспитываю!

И – как в скучном, неинтересном кино – она спустила Димку с коленей, взяла за руку и, подхватив пакет с продуктами, повела его в подъезд.

Надя нащупала в глубоком кармане бутылку и – одним глотком допила виски до дна. Чтобы хватило сил досмотреть это кино. Чтобы не забиться в истерике – почему я? Почему мне выпало умереть при жизни без надежды на воскрешение?!

Ангелина Васильевна прошлась по комнатам, оценивая, оглядывая мебель и безделушки на полках.

Задержалась у фотографии Грозовского на стене, потом на другой – где они с Надей улыбались между заснеженных еловых ветвей...

Надя знала – квартира запущена, а она сама неопрятна, непричесана, неухожена, – но ведь весь подъезд знает... Да, теперь уж точно узнает, что она законченная алкашка и жить ради ребенка не хочет и не умеет.

Подумаешь, муж погиб. Полгода в трауре походила, и вперед – маникюр, педикюр, причесочка и личную жизнь устра-

ивать. Так, наверное, должна поступать сильная женщина?

Хорошо хоть Ольга в Новосибирск уехала, перестав объяснять Наде, что она обязана взять себя в руки.

– Сколько в соседних квартирах живем, а никогда в гостях у вас не бывала, – покачала головой Ангелина, остановившись у огромного, во всю стену, плазменного телевизора. – Красиво жили, богато!

– Почему это – жили? – Надя и сама считала, что полтора года уже не живет, но ее неожиданно резануло это слово в прошедшем времени. Опять будто ножичком пырнули – на этот раз слегка, полушутя, чуть ниже сердца и выше желудка. Крови не было, но царапина болезненно запульсировала, а виски в бутылке, оттягивающей карман, не осталось.

– Ну а как же? – фыркнула Ангелина, пальцем собрав с полки толстый слой пыли и брезгливо вытерев его о накидку на кресле. – Теперь-то что у тебя за жизнь? Теперь – только слезы. Убираться не буду!

– И не надо, я вас об этом не прошу, – буркнула Надя, думая только о том, что в сумке есть вторая бутылка, и когда Ангелина уйдет, она сделает очень маленький глоточек – последний на сегодня.

– Вроде целый день дома сидишь, а грязи развела – неделю не отмоешь, – начала отчитывать ее соседка, да таким противным учительским тоном, поджав тонкие губы и нахмурив бесцветные брови. – Как же ты жить будешь? И работать нужно, и сына без отца растить... А это куда тебя Дима от-

дышать возил? – ткнула она пальцем в фотографию на стене, где они с Димкой, счастливые, улыбались, выглядывая из-за еловых ветвей под пушистыми снежными шапками.

Надя зажмурилась и покачнулась, схватившись за край стола, чтобы не упасть.

Опять палец, опять нравоучения... Господи!

– В Карелию, – еле ворочая языком, сказала Надежда. Пусть думает, что она вдрызг пьяна, плевать. На все наплевать, лишь бы Димыч был под присмотром. Когда она открыла глаза, Ангелина стояла к ней спиной и с любопытством рассматривала другой снимок, где они с Димкой сидели верхом на слонах и улыбались яркому индийскому солнцу.

– Ангелина Васильевна, я не багаж какой-нибудь, чтобы меня возить, – упреждая очередной глупый вопрос, отрезала Надя. – Мы все всегда делали вместе. Давайте договоримся – вы за Димочкой присмотрите, а причитать не надо, без вас тошно.

Ангелина посмотрела на нее – то ли насмешливо, то ли сочувственно – Надя не поняла, – покачала головой и, еще больше нахмутив брови, вышла из комнаты.

– Дима, какую ты кашку любишь? – послышался ее голос из кухни.

– Всякую! – весело откликнулся Дим Димыч.

Надя поплелась в коридор, отыскала в сумке бутылку и, с трудом отвинтив крышку, сделала маленький глоточек, потом еще...

Тогда, на слонах, под палящим индийским солнцем, Грозовский пообещал ей, что золотую свадьбу они справят здесь по древнему ведическому обряду, который соединяет не только тела людей, но и души.

— Ой, нет, — засмеялась Надя, — лучше у меня в Октябрьске души соединим. Дядь Толю позовем, тетя Зину!

— Да, дядь Толю с тетя Зиной сюда нельзя, — серьезно кивнул Грозовский и тут же, повеселев, добавил: — Ну, значит, у нас будет две золотые свадьбы!

В ресторане, где праздновали юбилей, было шумно, весело и душевно.

Леонид Сергеевич рассчитывал, что придет человек пятьдесят, но в последний момент выяснилось, что поздравить его собираются не только коллеги по кафедре, но и почти весь преподавательский состав института. Пришлось срочно дозаказывать недостающие места и корректировать меню.

Леонид Сергеевич так устал в эти последние дни, так устал... Но радость от общения с близкими и друзьями все же пересиливала эту усталость, ноющую боль в сердце и желание отоспаться. Почему-то возникло ощущение: все, что он делает в эти дни — очень важно. Очень ответственно и значимо. Как доклад о научном открытии на симпозиуме.

Именно поэтому Барышев-старший старался не пропустить ни слова, и ни одно выражение чувств в свой адрес не оставить без внимания.

А вдруг это последний мой юбилей? – закрадывалась иногда – нет, не страшная, но предательская мыслишка, когда сердце особенно сильно сжимала тупая, давящая боль.

Вот юбилей отпраздную и на обследование лягу, клялся сам себе Леонид Сергеевич – уже в который раз! – потому что клятвы эти неоднократно давались и формулировались по-разному: «после Нового года», «в следующий понедельник», «после сессии в мединституте»... Но времени не было, или нет, не времени – чего уж врать самому себе... Просто он – врач-кардиолог, профессор – жил по принципу обывателя: «авось пронесет». Или – «сколько бог отмерил». Хотя прибавить пару десятков лет к этому «бог отмерил» он не отказался бы. Так что обязательно после юбилея пойдет и сдастся своему другу Гришке Володиному в крупнейшую и лучшую за Уралом кардиологическую клинику.

– Друзья! – перебил его мысли молодой хирург Борис Климов. Он встал, торжественно подняв бокал. – Коллеги! Анатомия человека – это вечный кошмар всех студентов. Но наш преподаватель, руководитель курса, Леонид Сергеевич Барышев, сказал нам на первой лекции: «Если вы думаете, что сердце – это только мышца, перекачивающая кровь, вы никогда не станете хорошими врачами». – Борис обвел всех присутствующих веселым взглядом, остановив его на Леониде Сергеевиче. – Многие из нас тогда посмеялись про себя, мол, какой сентиментальный у нас препод! А вот теперь я сам работаю и понимаю, что Леонид Сергеевич был

прав. У хорошего врача должно быть сердце, это обязательное условие!

Словно в подтверждение его слов у Барышева остро кольнуло в груди, но он улыбнулся и встал, звонко чокнувшись хрустальным бокалом с Климовым.

– Какой ты сентиментальный стал, Борис!

К ним потянулись другие бокалы с шампанским – много, штук восемьдесят, судя по количеству приглашенных, – и Леонид Сергеевич постарался чокнуться с каждым – таким важным и трогательным казалось ему это искреннее внимание. Он поймал любящий взгляд сына и полный нежности – Ольги – и вдруг подумал: вот бы остановить время... Чтобы навсегда семьдесят и ни годом больше... Но при этом жить долго-долго...

– Леонид Сергеевич! – громыхнул в дальнем конце длинного стола голос Юры Градова. – А помните, как вы меня с сигаретой застукали? Сколько раз начинал я потом курить, так и не смог.

Леонид Сергеевич расхохотался, а со всех сторон послышались возгласы «Расскажи!», «А что за история?».

Юрка сразу стал центром внимания, к нему устремились все взоры, и он, очень этим довольный, завел рассказ:

– Мне десять лет было, старшие ребята сигаретой угостили. Сiju, курю, чувствую себя взрослым. Вдруг – Леонид Сергеевич. Как я его проглядел?! Не знаю. Все, думаю, отцу сдаст. А он так спокойно ко мне подсаживается и говорит:

«Неправильно куришь. Надо взятяг». Взял у меня сигарету, затянулся. И вдруг как закашляется! Красный весь, хрипит, задыхается. Перепугался я тогда! Все, думаю, из-за дурацкой сигареты дядя Леня сейчас умрет! Вскочил, побежал, кричу: «Помогите!» Потом оглянулся, а он сидит и смеется. Вот как сейчас! – Юрка указал на смеющегося Леонида Сергеевича. – И хитро так говорит: «Ну, прости, брат, напугал я тебя. А ты-то меня как напугал! Ну, что, покурим?» Я хоть тогда и подумал, что шуточки у дяди Лени те еще, но курить мне с тех пор так и не хочется. За талантливого воспитателя!

И опять наполненные бокалы потянулись друг к другу, и опять сильно кольнуло сердце, и снова захотелось остановить время...

Сын подошел к нему, обнял и поднял бокал.

– Я плохо знаю анатомию, – сказал он, вызвав этими словами смех в зале, – но я хорошо знаю отца. Пап, ты выбрал профессию, которая позволяет тебе постоянно помогать людям. Ты возвращаешь их к жизни. И ничего важнее этого нет. Ты настоящий мужик и самый лучший на свете отец и дед! Я горжусь тобой и люблю тебя!

Растроганный Леонид Сергеевич выпил вместе со всеми, хотя стало вдруг трудно дышать, и он, как врач, понимал, что симптомчики эти никуда не годятся...

– Я на минуточку, – шепнул он Сергею, через силу улыбнувшись, чтобы не напугать его, и быстрым шагом, едва не теряя сознание от нахлынувшей вдруг дурноты, направился

на террасу.

На свежем воздухе стало легче. Прохладный вечерний ветер позволил вздохнуть полной грудью, и хоть боль не утихла, дурнота отступила, уступив место банальной усталости. Леонид Сергеевич расслабил галстук, но тут же резким движением затянул его, заметив, что к нему с цветами и большой коробкой подходит Марина – дочка его лучшего друга Генки Тарасова.

– Мариночка...

Только бы она не заметила вымученность его улыбки!

– Поздравляю за себя и за папу!

Марина вручила ему букет и коробку.

У нее были темные волосы и живые, Генкины, голубые глаза. Генка когда-то поспорил с ним, что родится сын, а Леонид Сергеевич напроорочил дочку. Умницу. И красавицу. И имя придумал сразу – Марина.

«Сам ты Марина», – буркнул тогда обиженный Генка, но когда она родилась, первый примчался с новостью:

«Маришка-то – три двести! И аж пятьдесят два сантиметра!»

«А я что говорил!» – засмеялся Леонид Сергеевич.

«Про рост и вес ты не говорил!» – погрозил ему пальцем счастливый Генка...

– Папа жутко расстраивается, что опаздывает на три дня. А вы, дядь Лень, что, сбежали с юбилея?

– Подышать немножко вышел, Мариночка. Опаздывает,

говоришь, Генка... Ну, если и в этот раз с рыбалкой меня продинамит... не знаю, что я с ним сделаю... – Последние слова он выговорил с трудом – опять стало трудно дышать.

Все, все, завтра же – к Гришке Володину. Или нет, не завтра, а через недельку, когда Ольга с Сергеем уедут...

– По-моему, вы устали... – Марина тревожно заглянула ему в глаза и взяла за руку. – Может, вам лучше домой?

– Как это домой?! – встрепенулся Леонид Сергеевич, услышав в зале взрыв хохота. – Почему домой?! Нет, мы еще погуляем!

И, подхватив Марину под руку, повел ее в ресторан.

Сто пудов – обычная невралгия, эта боль в сердце. Просто давно он так не радовался и не волновался. Пройдет.

А сейчас – нужно жить на полную катушку, вздох – когда дня на все не хватает...

– Дима! – донесся голос Ангелины из детской.

Надя прислонилась к двери и прислушалась. Руку приятно холодила только что купленная бутылка виски, а голову здорово туманила бутылка, выпитая накануне.

– Ой, какой же ты бестолковый мальчик, – раздраженно продолжала новоявленная няня, педагог с тридцатилетним стажем. – Я же тебе показывала, как делать! Давай собирай теперь... – Послышался звук сгребаемых деталей конструктора и хныканье Дим Димыча. – Как же ты в школу пойдешь, если ничего не умеешь? С тобой мама совсем не занимается?

– Мама? – растерянно переспросил Димка-маленький.

– Вот именно! Одно название, что «мама». К твоему папе какие приличные девушки ходили! Образованные, интеллигентные! А кого он взял? Твоей матери жилплощадь нужна была. Надоело небось по съемным квартирам мыкаться! Сидела бы дома, в деревне... Да только и там, видно, никому не пригодилась.

Нужно было ногой распахнуть дверь – прекратить отвратительный монолог, выгнать Ангелину к чертовой матери, – но... кто приготовит Димке ужин и уложит спать, а завтра выведет на прогулку?

Надя отхлебнула безвкусный и совсем не обжигающий виски. Чем больше она пила, тем меньше чувствовала градус, словно существовал лимит одурманивания. И наркоза – полноценного, отключающего – так и не получалось...

– Помнишь, Димочка, своего папу? – опять раздался голос Ангелины, на этот раз сладко-елейный.

Димка что-то тихо сказал – Надя не расслышала.

– Нет больше твоего папы, – поучительно ответила ему Ангелина. – Он уехал в другую страну, там сел в машину и... разбился!

Димка заскулил за дверью, как раненый зверек.

Надо было ногой распахнуть дверь и... задушить няню, но сил на это совсем не осталось. Их ни на что не хватало – ни на ярость, ни на ненависть – только на глоток виски...

Димкин скулеж разрывал сердце, и, чтобы не слышать его,

Надя прямо в халате и тапках вышла из квартиры, хватаясь за стены и едва не падая...

Писк Дим Димыча стоял в ушах, и Надя стала убегать от него, перескакивая через ступени. Тапки слетели, она упала и покатилась вниз, ударяясь о каждую ступеньку и не чувствуя боли.

Димкин жалобный голос наконец замолк, и его сменил женский возглас:

– Что это? Грозовская, что ли? Ей плохо? Бедная девочка!

Надежда почувствовала, что кто-то трясет ее за плечо и зовет:

– Надя! Надя!

– Надя! – закричал Грозовский откуда-то с высоты. – Надя, я здесь!

– Димочка... – Она попыталась подняться, никого не видя вокруг, ничего не чувствуя и только слыша сверху родной Димкин голос.

– Да она просто пьяна! – Обдав отвратительным запахом чеснока, гаркнул ей кто-то в ухо.

– Димочка, я сейчас... – Надя попыталась отбиться от рук, тянущих ее куда-то, но не смогла – силы совсем пропали, и Димкин голос тоже пропал, растворился в визге приближающейся сирены.

«Он жив, – ускользая, мелькнула мысль. – Теперь я умерла, а он жив... Господи, да когда ж мы встретимся-то?!»

Под руку с приятной брюнеткой в зал вернулся Леонид Сергеевич.

Ольга проницательным взглядом художника выхватила толстую, темную, перекинутую на грудь косу, пронзительно-голубые глаза, фарфоровой прозрачности кожу и утонченные черты лица, с которыми дерзко спорили полные губы, выдававшие чувственную и впечатлительную натуру.

– Кто эта женщина, Сереж? – Ольга тронула за рукав Барышева.

Он склонился к ней, чтобы она лучше могла его слышать в многоголосом гуле зала, и громко сказал:

– Подруга дней моих суровых! Маришка! – Он помахал красавице рукой, и та, заметив это, улыбнулась и махнула в ответ. – Дочка самого закадычного отцовского друга – дяди Гены. Ох, мы напознались в детстве по оврагам и буреломам! Тоже папина ученица. Ей пророчили большое будущее, она даже кандидатскую начала писать, но что-то у нее не заладилось. Что-то личное... Пошла в детский дом воспитательницей. И до сих пор там работает, между прочим. Я был в нее влюблен. Мы даже подрались из-за нее с Юркой!

– А она выбрала кого-то третьего?

– Ну, да. Появился тогда какой-то Коля, по-моему, у них не заладилось... Не знаю.

Марина что-то сказала Леониду Сергеевичу – приятное и смешное, потому что у того засветились глаза, он улыбнулся и, потрепав ее по плечу, молодым, стремительным шагом

направился к Сергею и Ольге.

– Сереж, ты посмотри на свою жену! – присаживаясь рядом с ними, строго сказал Леонид Сергеевич.

– Я только на нее и смотрю, – Сергей с недоумением окинул взглядом Ольгу, словно надеясь увидеть в ней что-то новое, заметное только отцу.

– И не видишь ничего. Она танцевать хочет!

– Да? – удивился Барышев.

– Нет, нет, Сережа, я устала, – улыбнулась Ольга.

Она и правда устала – очень. Все эти торжества и приготовления к ним отняли много эмоциональных и физических сил, и хоть они были приятны, хотелось забиться в уголок, подальше от шума и суеты, и почитать книжку, и отоспаться, и просто побыть в тишине. А еще ее мучила тревога за Надю. Ольга звонила ей беспрестанно, но на звонки подруга не отвечала и сама не звонила. Ольгу мучила совесть – нельзя было оставлять Надю одну, нельзя, чтобы она опять с головой погрузилась в пучину своего отчаяния и одиночества, – но Надька же пообещала ей больше не пить и звонить каждый день! Раз не звонит, значит, пьет. А раз пьет, значит, снова может наделать глупостей. Дим Димыч один, ему даже кашу некому сварить, если Надя ушла от реальности старым, проверенным способом...

– Ох, придется старику отдуваться! – прервал ее мысли голос Леонида Сергеевича. Он уже стоял перед ней в легком поклоне, галантно протягивая руку. – Но я не против! Пой-

дем танцевать, Оленька!

«Некому кашу сварить...» – не оставляла ее навязчивая мысль, пока она выходила с Леонидом Сергеевичем в центр зала. Заиграла «Серенада Солнечной долины».

– Оленька, ты счастлива? – тихо спросил ее на ухо Барышев-старший.

Вопрос почему-то обжег, как ушат ледяной воды. По сравнению с Надькой, наверное, да, счастлива. А если сравнивать с собой прежней... до Оксаны...

– Да, наверное... – с невольным сомнением кивнула она, потому что врать не умела, а врать Леониду Сергеевичу – тем более. – У нас все хорошо. Дом новый купили, теперь обживаться нужно, столько мороки...

– Нет, я о другом, – Леонид Сергеевич был совсем не тем человеком, у которого понятие «счастья» могло ассоциироваться с «новым домом». Да и спрашивал он, судя по грустным глазам, по слегка дрожащей руке – не формально, а искренне тревожась за Ольгу после той истории... когда, казалось, уже ничего нельзя склеить. – Счастлива, Оленька, это когда живешь взахлеб, когда дня на все не хватает, а сил и желаний хоть отбавляй...

– Я знаю, что это такое, папа, – с горечью перебила его Ольга и, поняв, что притворяться бессмысленно, сказала, глядя ему в глаза: – Только сейчас все не так. Хотя... может быть, я просто перестала это чувствовать?

– А может, ты не простила Сергея?

Музыка затихла, пары, танцующие рядом, неторопливо пошли к столу, а Барышев-старший все стоял напротив Ольги, пристальным взглядом требуя, умоляя ответить честно.

– Я не знаю... – смутилась она, и это был единственный честный ответ. – Пап, мы обязательно поговорим об этом... Потом... А сейчас... – Словно спасая ее, из динамиков полился вальс Штрауса. – Пожалуйста, давай просто танцевать! Ты такой замечательный кавалер, папа. – Она улыбнулась, вернула руку Леонида Сергеевича себе на талию и сама закружила его в вихре вальса.

Сергей любовался отцом и Ольгой, когда к нему подошел Градов и молча наполнил пустые рюмки коньяком.

– Ну, что ж, – хмыкнул Юрка, поднимая рюмку, – девушек всех разобрали, так давай выпьем!

– Давай!

Они звонко чокнулись, синхронно опрокинули коньяк, одинаково крякнули, потянулись за одним ломтиком лимона и, когда их руки столкнулись, громко расхохотались.

– Маринку видел? – поинтересовался Сергей.

По тому, как Градов пожал плечами и отвел глаза, Сергей понял, что тему выбрал неправильную, колючую, неудобную, и быстро поправился:

– Как тебе шкура-то чиновничья? Не жмет?

Юрка сразу оживился, заблестел черными цыганскими глазами, разлил по рюмкам коньяк.

– Жмет, зараза! Неудобная шкура, не по размеру... Сначала казалось – ну, все, раз я теперь в администрации, властью, так сказать, облечен, наведу в городе порядок! – Юрка в сердцах хлопнул ладонью по столу так, что коньяк из рюмок выплеснулся на скатерть.

– А что? – удивился Сергей. – У тебя получается! Как ты на рынке всех построил!

– Да ничего не получается! – без сожаления, скорее, с веселой беззаботностью отмахнулся Юрка. – Вот ты, когда едешь на переговоры, с кем предпочитаешь иметь дело? С менеджером второго звена, – он взял свою рюмку и многозначительно поставил ее пред Барышевым, – или с хозяином, который реально принимает решения? – Рюмку Сергея он решительно переставил к себе, этой рокировкой, очевидно, давая понять, кому отдаст предпочтение в переговорах.

– По-моему, вопрос риторический, – улыбнулся Барышев.

– Конечно! Директор рынка послушает только хозяина. А настоящего хозяина у города нет! – Юрка размахнулся, чтобы опять хлопнуть ладонью по столу, но передумал и сунул руку в карман. – Есть мэр, – почему-то смущенно сказал он. – Одно название. А я хочу, чтобы мэр был хозяином! И мне кажется, я понимаю, что надо делать... – Он заглянул в смеющиеся барышевские глаза и спросил с напором, но не без смущения: – Скажи честно, как думаешь, выйдет из меня мэр? Получится город поднять?!

И столько всего было в этом вопросе – и амбиций, и бла-

городного порыва, и неуверенности, и веры в свой исключительный, непревзойденный талант, – что Барышев невольно расхохотался.

– А твой отец, между прочим, меня поддерживает, – обиделся несостоявшийся великий путешественник Юрка Градов.

– Знаю. Поэтому и я в тебя верю! – Сергей вручил Юрке его коньяк и взял свою рюмку. – Давай за нового мэра!

Выпить он не успел, потому что увидел, как Ольга, кружась в вальсе, достала из крохотной сумочки телефон, остановившись, коротко переговорила и, побледнев и оставив отца одного в центре зала, бросилась к нему, протискиваясь между танцующими...

– Сережа!

Он, отставив коньяк, пошел ей навстречу, чувствуя, как замерло сердце в ожидании плохих новостей.

Что-то с Петькой?! С шага он перешел на бег. Ольга влетела в его объятия, уткнулась носом в плечо.

– Что случилось, Оля?!

– Сережа, мне Надина соседка только что позвонила! Сказала, что Наде пришлось «Скорую» вызывать, ее в больницу забрали. Димку она к себе взяла...

Чего греха таить – у него отлегло от сердца. Надьку, конечно, жалко, но при всем сочувствии к ней, Сергей считал, что спасти ее сейчас бесполезно. Наде нужно дать переболеть – позволить выплакать свою боль, может, даже заглу-

шить ее алкоголем, – только не лезть к ней с сочувствием и советами, что вызовет лишь раздражение и озлобленность.

– Что с ней? – Он повел Ольгу к столу, но она, сделав два шага, вдруг решительно остановилась.

– Я не знаю! Сереж, я должна к ней поехать!

Если сказать сейчас, что Наде никто не поможет, кроме нее самой, Ольга его не поймет. Полоснет взглядом и все равно уедет – убежит, умчится в аэропорт прямо отсюда – в вечернем платье, с блестящей сумочкой-клатчем, в которой лишь деньги, мобильный, документы и губная помада...

– Оля... – Сергей все же попытался отговорить ее, ведь этот внезапный отъезд расстроит отца и ничем не поможет Наде. – Я обещал папе, что мы у него подольше побудем. Он так ждал нас...

– Я понимаю! – нетерпеливо перебила Ольга. – Все понимаю, но Надя там одна! Я на день, и сразу вернусь.

– Надя не одна, там врачи...

– Спасибо, Сережа, – снова перебила она. – Значит, я звоню, заказываю билеты...

Ольга ушла, набирая номер аэропорта, и прямой спиной словно говоря Сергею, что он катастрофически, глобально не прав, считая, что Надя выкарабкается сама...

– Правильно сделала, – жестко прозвучал за спиной голос отца. Сергей обернулся. Леонид Сергеевич смотрел на него с насмешкой. – Она имеет полное право не слушать тебя.

Сергей кивнул в знак согласия и, нащупав в кармане пачку

сигарет, пошел на террасу.

Он всегда будет виноватым. Всю жизнь.

Нужно с этим смириться и замаливать свой грех, сколько сил хватит...

Дверь ей открыла сухопарая женщина в Надином переднике и Надиных тапках.

– Это я вам звонила, – не поздоровавшись, сообщила она, едва Ольга переступила порог. – Телефон ваш в мобильнике ее нашла...

Ольга ринулась на кухню – там Дим Димыч, причесанный и одетый, ел румяные блинчики, запивая их молоком.

– Тетя Оля! – обрадовался он, не переставая уплетать за обе щеки.

От сердца отлегло, Ольга без сил опустилась на стул напротив Димки.

– Меня Ангелина зовут, – сообщила женщина, заходя на кухню. – Соседка я, а по совместительству няня. – Она поправила полотняную салфетку на коленях у Димки и потрепала его по волосам. – Вы, Оля, могли заметить, что с Надей происходит. Не она первая придумала в алкоголе от проблем прятаться. Конечно, я понимаю, муж умер, тяжело. Но всегда можно повод найти, чтоб себя пожалеть. Димы не стало, вот она и распустилась!

Ольга, не спавшая всю ночь в самолете, почувствовала, что теряет контроль над собой и ярость полыхает в глазах

красными вспышками.

– Не смейте так говорить! – вскочила она.

Ангелина, не ожидая такого отпора от этой холеной, с виду спокойной и расслабленной женщины, сникла, убавила спесь и пробормотала, поглаживая по голове Димку худой узловатой рукой:

– А что я такого сказала? Что есть, то есть. Ее врачи в больницу забирать не хотели. Алкашей не берем, сказали... Но и я за ней смотреть не буду! Я к ребенку нанималась, а не к ней!

И она вытерла руку, которой гладила Димку, о Надин фартук.

– Ангелина... – словно ругательство, произнесла Ольга ее имя, но взяла себя в руки и с улыбкой добавила: – Можно, Дима с вами еще побудет?

– А как же! Конечно. – Няня прижала Димкину голову к себе и фартуком утерла ему рот. – Ребенок не виноват, что у него такая мать.

Ольга, усмехнувшись, порылась в сумочке, достала пяти-тысячную купюру и протянула ее Ангелине.

– Это... за что? – удивилась няня, уставившись на банкноту.

– За то, чтобы гадостей говорили меньше! Про Надю.

Ангелина поджала губы, но деньги взяла. Сунула их в вырез линиялого платья и опять погладила Димку по голове.

На фоне белой наволочки Надино лицо казалось безжизненной маской.

Посмертной. Из плохого, некачественного, серого гипса.

Ольга бросилась к Наде, но споткнулась о ворох какой-то грязной одежды, брошенной на полу, и едва не упала. Бомжеватого вида тетка на соседней кровати громко выругалась, вскочила и стала выдергивать у Ольги из-под ног бесформенные рейтузы, штопаную вязаную кофту и еще что-то... Все это дурно пахло, и у Ольги помутилось в голове от отвращения, от жалости к Надьке и... от беспомощности.

Она села на край кровати и осторожно поправила рыжий локон, упавший подруге на глаза.

– Надь...

Та смотрела на нее страшным, пустым, невидящим взглядом.

И молчала.

– Надюш... – Ольга взяла ее холодную исхудавшую руку, в которой торчала иголка капельницы, и легонько сжала.

– Давай, начинай прорабатывать, – чужим, хриплым голосом сказала Надежда.

Ее соседка по палате отвратительно захохотала, показав остатки гнилых зубов.

– Надюш, ты что? Не узнала? – В отчаянии Ольга слишком сильно потрясла ее руку, и иголка выскользнула из вены и из придерживающего ее пластыря.

– Да, не узнала! – с неожиданной ненавистью выкрикнула

Надя. – Допилась до потери памяти! Это хочешь сказать?!

Бомжиха на соседней кровати опять заржала и потянулась к Ольгиному пакету, оставленному на стуле. Достав оттуда апельсин, начала его чистить.

– Что тебе Ангелина про меня наплела? – без прежней злости спросила Надя, выдернув руку из Ольгиной ладони.

– Ничего...

– Не ври.

Ольге захотелось встать и уйти. В конце концов, может быть, прав Сережа – сам себя не спасешь, никто не спасет. Сколько было душеспасительных бесед с Надькой, сколько уговоров и даже угроз... И вот – эта койка, эта вонь, эта бомжиха, озлобленность и готовность винить всех в своих бедах.

Ольга достала из сумки толстую пачку денег, сунула под подушку.

– Вот, на лекарства, – отстраненно сказала она, но тут же, устыдившись своей обиды, теплее добавила: – Надюш, я обещала Сереже и детям сегодня вечером вернуться, но... могу остаться! С Димкой посижу, пока ты полечишься.

– А я болею, по-твоему? – усмехнулась Надежда.

– Ну... я не знаю, что нужно делать в таких случаях. Но тут врачи...

– А я знаю! – Надя приподнялась в кровати, окончательно выдернув капельницу, и опять закричала, выплевывая слова Ольге в лицо: – У меня первый муж алкаш был! Помнишь его?! Незабываемое зрелище, правда?! Я что, на него похо-

жа?!

Бомжиха вдруг стала мерзко икать, отбросила апельсин и снова полезла в Ольгин пакет.

– Нет, Надюш, не похожа... Ты так защищаешься, словно я на тебя нападаю. А я помочь тебе приехала.

– Не надо мне помогать! Отстаньте все от меня! Чего ты приехала?! Бросила она всех из-за меня! А я тебя просила об этом?!

Ольга встала, развернулась и пошла из палаты, глядя под ноги, чтобы ни обо что-нибудь опять не споткнуться.

Ей показалось, что грязная беззубая тетка тотчас же бросилась к Наде, чтобы достать из-под подушки деньги.

Пожилая медсестра равнодушно посмотрела на Ольгу поверх очков и продолжила что-то писать в потрепанном журнале.

– Как мне поговорить с главврачом? – едва сдерживая подступившие слезы, спросила Ольга.

Она пойдет к главврачу, заплатит любые деньги, только чтобы Надьку перевели в одиночную палату и чтобы ею занялись лучшие врачи.

– По поводу? – продолжая писать, ледяным тоном уточнила сестра.

– По поводу Надежды Грозовской, из семнадцатой.

– Грозовской? – Медсестра захлопнула журнал, раздраженно отбросила ручку, сорвала с себя очки в тонкой метал-

лической оправе и, словно дирижируя ими своим праведным гневом, возмущенно воскликнула: – А что о ней говорить?! Скажите спасибо, что вообще ее положили! У нас бывает, после операций больные в коридоре лежат! А тут алкашка!

Ольга поймала очки, метавшиеся перед ее носом, положила их на стол перед медсестрой и отчетливо, по слогам повторила:

– Я хочу поговорить с главврачом.

Медсестра воинственно поправила белую шапочку и, набрав воздух в легкие, встала, чтобы сказать какую-то резкость. Но, наткнувшись на Ольгин взгляд, тихо и растерянно произнесла, словно оправдываясь:

– Его нет сегодня... Приходите завтра.

Ольга вернулась в палату, полная решимости немедленно перевезти подругу в частную клинику.

Надина койка оказалась пуста.

Бомжиха собирала с пола рассыпанные купюры. Ее руки тряслись, а губы беззвучно шевелились, пересчитывая свалившееся богатство.

Ольга выхватила у нее деньги, одновременно наступив на валявшуюся стодолларовую купюру.

– Где Надя? – тихо спросила она бомжиху.

Та беззлобно выругалась, глядя на пачку денег в руках у Ольги.

– Где?!!

– Не знаю! Убегла! – крикнула бомжиха, глазами указав

на приоткрытое окно.

Ольга бросилась к нему и посмотрела вниз – там, на приямой клумбе, валялся грязно-розовый Надин тапочек.

– Да не бойсь ты, – засмеялась жуткая тетка, заметив, как побледнела Ольга. – Тут всего-то второй этаж. С похмельюги сигануть – нечего делать. За водкой небось помчалась сестренка твоя...

Он уже собирался в аэропорт, чтобы встретить Ольгу, когда она вдруг позвонила и срывающимся голосом сообщила, что не сможет приехать.

И завтра не сможет, потому что Надя сбежала из больницы, пропала и ее нужно искать и спасать.

Сергей, сжав зубы, выслушал этот сбивчивый монолог, потом решился спросить:

– Может, все-таки прилетишь завтра? Ну, не вставишь же ты ей свои мозги...

– Все, я больше не могу говорить, – отрезала Ольга. – Перед приездом позвоню обязательно.

Оскорбительно-равнодушные гудки ударили в ухо. Слушая их, Сергей подошел к окну. По стеклу хлестали шальные струи летнего дождя.

Он виноват, конечно, и всю жизнь должен замаливать грех. Но неужели Ольга постоянно будет плевать на его просьбы, обрывая на полуслове и поступая по-своему...

В комнату с Костиком на плечах вошел отец.

– Пап! – закричал сын. – У нас с дедушкой кругосветное путешествие!

– По квартире! – язвительно добавила заглянувшая в дверь Машка.

– Не мешайте, у папы деловые переговоры, – заметив мрачное лицо Сергея, сказал Леонид Сергеевич.

– У него с мамой переговоры! – снова вмешалась Машка, дернув Костю за ногу.

Отец внимательно посмотрел на Сергея, так и слушавшего короткие гудки, потом перевел взгляд на струи дождя, глухо барабанившие по стеклу, побледнел и... схватился за грудь.

– Пап! – бросился к нему Барышев.

– Ничего, ничего... – Леонид Сергеевич наклонился, держась за стену, и тяжело задышал.

Сергей осторожно снял с его плеч Костика и, обняв отца, повел к дивану.

– Я сейчас «Скорую» вызову!

Он вдруг абсолютно забыл, какую комбинацию цифр нужно набрать, чтобы вызвать врача. Он держал в дрожащей руке телефон и набирал почему-то ноль девять.

– Ноль три, папа! – подсказал Костик.

– По мобильному сто двенадцать, – поправила его Маша. Сергей совсем запутался и растерянно посмотрел на отца.

– Не надо «Скорую», – слабо улыбнулся Леонид Сергеевич. – Уже отпустило...

– Папа! – Сергей поправил подушку под головой отца и

стал набирать...

– Сережа, я врач. Я сам знаю, когда нужна «Скорая», а когда нет. – Отец отобрал у него телефон и сунул под подушку.

– Ну, хорошо, хорошо, – паника у Сергея сменилась уверенностью – отец столько жизней спас, уж свою-то опасности не подвергнет. – Ты не волнуйся только...

Костик куда-то сбегал, принес таблетки, Маша взяла со стола журнал и стала обмахивать деда.

– И ты за меня не волнуйся, – ободряюще похлопал Сергея по руке отец. – Видишь, какие у меня врачи... – Он положил под язык таблетку и сел. – Я устал просто. Надо бы мне в клинику лечь. Отдохну, витаминчики мне поколют, и буду как огурчик!

– Так в чем же дело? Я тебя в Москве в хорошую клинику устрою!

– Не нужна мне твоя Москва, – отмахнулся отец. – Я здесь останусь. Тут мои ученики за мной присмотрят. Я им верю, сам их учил. А твоих, московских, я не знаю. – Он тихо засмеялся, потирая рукой грудь, и неожиданно спросил: – Оле звонил?

– Хочешь, сейчас позвоню?

– Вот Олю дождусь, и – в клинику, – словно не слыша Сергея, сказал отец и снова посмотрел за окно – туда, где хлестал дождь и гнулись под ветром ветки деревьев.

– А зачем ждать? Мы к тебе приезжать будем. Оля вообще может здесь остаться!

Сердце отчего-то сжалось, заныло, будто предчувствуя беду.

– Мне бы Олю повидать успеть... – глядя в окно и опять не услышав его, грустно сказал отец.

– Пап! – Сергей легонько встряхнул его за плечи и заглянул в глаза. – Мне не нравится твое настроение!

– Мало ли что тебе не нравится! – Отец наконец вышел из ступора, улыбнулся и даже щелкнул Сергея по носу – как в детстве, когда шутя, невсерьез ругал. – Ты лучше скажи, как жить-то дальше собираешься?

– Ну-ка, идите, чай поставьте и стол накройте, – приказал Барышев детям и, когда они вышли, с горечью спросил: – Я что-то делаю не так, папа?

– «Не так» ты уже наделал, Сережа... – голос у Леонида Сергеевича вдруг задрожал, и на глаза, кажется, набежали слезы. – Не обижайся, но я хочу, чтобы ты больше не ошибался. Чтобы знал, что, когда ты оступаешься, больно не только тебе, но и Ольге. Ей даже больнее.

– Я знаю, пап! И больше не оступлюсь. Ты мне веришь? Дождь за окном неожиданно прекратился, ветер утих и – как бывает только летом, – сразу вспыхнуло яркое солнце.

– Верю, – помолчав, сказал отец. – И Ольга тебе верит. Теперь сделай так, чтобы она поверила в себя...

Он закрыл глаза и повалился Сергею на грудь, будто внезапно, на полуслове, заснул.

– Папа, – потряс его за плечо Барышев. И страшно, дико,

понимая неотвратимость происходящего, закричал: – Па-а-а-па!

...Будь оно проклято, это солнце...

Говорят, от резкой перемены погоды у пожилых людей может случиться инфаркт...

Ольга обегала все супермаркеты и мелкие магазинчики вокруг больницы, но Нади нигде не нашла.

Куда она могла деться в халате и одной тапке?

Ольга позвонила Сергею, сказала, что не сможет вернуться вечерним рейсом, потом поймала такси и поехала к Надежде домой.

Оставалась маленькая надежда, что, выпрыгнув из окна больницы, подруга все же помчалась к сыну, а не за спиртным.

Надя открыла ей в том же несвежем халате и розовом тапке.

– Ну, слава богу, – облегченно выдохнула Ольга, заходя в квартиру.

Грозовская с равнодушным лицом развернулась и пошла на кухню.

Все равно, все равно не отстану, упрямо подумала Ольга, направляясь за ней. Ведь не бросила же она меня, когда я пропадала, погибала в секте, спасаясь от предательства и одиночества... А ведь секта – это тот же алкоголь, может быть, даже хуже, потому что методики выхода из запоя есть,

а вот по выходу из сект – нет. А Надька тогда сначала дурой ее обозвала, а потом сама же и успокаивала, когда Петька едва не погиб, оставленный без присмотра...

На плите в кастрюле варился фирменный Надькин борщ. Ольга приоткрыла крышку и улыбнулась, убедившись, что и косточка там мозговая есть, и шкварки. Грозовский за такой борщ душу бы продал. И это при его любви к заморским деликатесам и приверженности к правильному питанию.

– Ты молодец, Надюш, – садясь за стол, сказала Ольга. – Что из больницы сбежала – плохо, а что борщ варишь – молодец!

Надя посмотрела на нее пустым взглядом, из-за пазухи достала плоскую бутылку виски и, зубами яростно отвинтив крышку, сделала жадный глоток.

Ольга отвела глаза.

Значит, борщ, это так... временное прояснение рассудка, тут же заглушенное алкоголем.

– Что? – усмехнулась Надя. – Смотреть противно?

Она спрятала бутылку обратно под халат и села напротив Ольги, закинув ногу на ногу и обнажив сбитые коленки.

– Почему мы не можем спокойно поговорить? – глядя в ее холодные, с пьяной поволокой глаза, спросила Ольга. – Ты ведешь себя как чужая.

– Потому что я хочу, чтобы меня оставили в покое. Все.

– А что это значит, Надя, – оставить тебя в покое?

– Чтобы меня не трогали. Не отвозили в больницу без мо-

его согласия. Не орали на меня за то, что я сбежала из этой больницы!

– Я на тебя не орала. Я просто пытаюсь понять...

– Ты пытаешься понять то, что тебе понять не дано! – Надя встала и обошла стол, прихрамывая – то ли ей одна тапка мешала, то ли ушиб после прыжка из окна. – И слава богу! Я врагу такого не пожелаю! – закричала она, обдав Ольгу перегаром. – И ты меня, пожалуйста, не учи! Ты на это права не имеешь! Ты любимого человека не теряла!

– Я – не теряла?! – тоже сорвалась на крик Ольга. – Да ты вспомни мою жизнь! И я тебя учить ничему не собираюсь! Я все бросила и сюда прилетела, потому что узнала – тебе плохо!

– А до этого мне, значит, хорошо было?!

– Это тупиковый разговор. Ты можешь спокойно сказать, как собираешься жить дальше?

– Отстань, – Надя вернулась на свое место, снова сделала жадный глоток виски и, подперев кулаком подбородок, уставилась в окно больным и тоскливым взглядом.

Все равно не уйду, подумала Ольга. Ее надо спасать, за волосы тянуть из этого омута, пусть даже она изо всех сил отбивается.

– Тебе две фирмы надо вытаскивать, – сказала Ольга.

– «Золушки» больше нет, – бесцветным голосом ответила Надя.

– «Солнечный ветер» есть! Ты должна там хотя бы появ-

ляться. Ты же сама говорила, что не дашь пропасть Димкиной фирме. И в конце концов, эта фирма приносит тебе деньги.

– Что еще скажешь? Давай, не стесняйся, – не отводя от окна взгляда, сказала Надежда, опять нащупав бутылку за пазухой, достала ее, зубами привычно отвинтила крышку и отхлебнула.

Ольга несколько лет жизни бы отдала, чтобы снова увидеть прежнюю Надьку – веселую, никогда не унывающую, добрую, ярко покрашенную, в нарядах, от которых рябило в глазах, но они шли именно Надьке, выдавая широту ее души и – не отсутствие вкуса, нет, – а невозможность уложиться в общепринятые рамки этого самого вкуса, скучных и надоевших брендов.

– Мама! – крикнул из детской Димка.

Надя ушла, а через минуту вернулась, швырнув в мусорное ведро пустую бутылку из-под виски. Ольга не удивилась бы, если б она из-за пазухи достала новую – как фокусник, который из спичечного коробка способен вытащить бесконечное число кроликов...

– Что ты решила с Димкой? – прервала тягостное молчание Ольга. – Хочешь, я сама ему няню найду? Или пока к себе заберу.

– А что значит – пока?! – взвизгнула Надя и, махнув ногой, отправила единственную тапку тоже в ведро. – Это на сколько ты сына у меня отнять хочешь?

– Что ты несешь, Надя? Перестань, пожалуйста, так со мной разговаривать. Ты меня словно в чем-то обвиняешь.

Ольга встала и обняла подругу, почувствовав, как колотится ее сердце. Надя вывернулась, выскользнула из объятий, схватила тарелку и налила в нее борщ – наверное, Димке.

– Просто сытый голодного не разумеет. Ты меня не понимаешь, потому что у тебя все хорошо. У тебя же на лбу крупными буквами написано: «Жизнь удалась!»

– Это хорошо, что у меня на лбу так написано, – усмехнулась Ольга. – Значит, умею лицо держать...

– Ой, перестань... Опять будешь про Оксану вспоминать? – Надя с остервенением начала резать хлеб – прямо на столе, не подложив доску. – Пора бы уже успокоиться! Ты дальше своего носа ничего не видишь! Тебе только твои проблемы кажутся настоящими! Потому и Оксану тогда проглядела! Только о себе думаешь! Муж налево сходил! Вот горе! Это смешно, Оля!

– Надя, я не хочу с тобой разговаривать в таком тоне. И не хочу видеть, как ты губишь себя!

– Не смотри! Не разговаривай! Я тебя не звала! Уйди от меня!

– Наденька... – Ольга попыталась снова обнять ее, но Надя резко обернулась с ножом в руке и с перекошенным от злобы лицом:

– Пошла вон!

– Мама! – закричал Димка из детской.

Ничего не оставалось, как взять сумку и уйти. Она проиграла эту битву за подругу. И что делать дальше – не знала...

На вечерний рейс она уже опоздала, поэтому поехала домой. С тяжким сердцем. С разрывающейся на части душой.

Тогда, из секты, ее выдернула беда с Петей... Ну не желать же Димке-маленькому плохого, чтобы Надьку спасти!

В лобовое стекло хлестал дождь, и дворники смахивали косые длинные струи, словно утирая слезы Вселенной.

Зазвонил телефон. Ольга ответила, даже не посмотрев, кто звонит – впрочем, она и так знала.

Сергей снова начнет ее уговаривать поскорее вернуться в Новосибирск. Она уже набрала воздуха, чтобы сказать: «Я приеду, только когда с Надей все будет в порядке», как услышала чужой, далекий голос Барышева:

– Оля, отец в реанимации. Сердце.

– Сережа! Я сейчас! Я прилечу!

Она развернулась через двойную сплошную и помчалась в аэропорт, давясь слезами и чувством вины.

Это из-за меня... Из-за меня... Я уехала, а папа подумал, что я до сих пор не простила Сережу...

Сознание то угасало, то возвращалось, позволяя слышать обрывки фраз.

– К Борису тебя возем, – услышал он слова сына и, ощутив легкую тряску, догадался – он на носилках, в «Скорой». До-

гадку подтвердила взывавшая сирена, новой болью отозвавшаяся в сердце. – Все будет хорошо, – добавил Сергей почему-то детским плачущим голосом, каким в восемь лет отпрашивался гулять.

– Олю... и детей... береги... И Юру... не бросай... помоги ему... Из него... толк... выйдет... – Кажется, у него получилось это сказать, потому что сын сжал его кисть и нормальным, взрослым голосом бодро сказал:

– Пап! Мы еще всей семьей, всем городом его победу отпразднуем.

Он понесся куда-то с бешеной скоростью, его затягивало в бесконечную, свистящую, светлую воронку, и последняя мысль была: «Оставайтесь. Живите. Мне хорошо. Я многое сделал. Много успел...»

Он сказал бы это вслух, если б мог, но – все летел, летел вдаль, в этот белый коридор света, коридор вечности, и где-то там, впереди, отчетливо видел лицо женщины, которую всю жизнь любил...

Дверь больничного коридора распахнулась, Ольга бросилась Сергею на шею:

– Сережа!

– Приехала... – Он уткнулся ей в волосы, вдыхая родной, спасительный запах. – Теперь все хорошо будет.

Ольга оторвалась от него, ринулась к двери с горячей красной табличкой «Реанимация. Не входить».

– Разряд! – раздался оттуда голос Бориса Климова. – Еще!

– Он маму звал... – прошептал Сергей, вспоминая «уходящее» лицо отца, когда его на каталке, бегом, завозили в реанимацию.

– Все хорошо будет, Сережа...

– Прямой укол адреналина в сердце! – заглушил ее слова крик Климова из реанимационной.

Они вцепились друг другу в руки – больно, кажется, даже до крови... И простояли так вечность... Пока дверь не открылась и оттуда не вышел Борис – обмякший, словно стекающий вниз, с безвольно повисшими вдоль тела руками и с глазами в слезах. Он снял с лица маску и отшвырнул ее в угол.

Его губы поехали, как у ребенка, он сполз по стене на пол и на корточках, обхватив голову руками, горько, навзрыд заплакал...

Сергей поднес Ольгину руку к глазам и закрыл ею слепящий свет белых ламп.

* * *

Борщ за два дня прокис, потому что Надя забыла убрать его в холодильник.

С утра пришлось варить овсяную кашу – без соли, без сахара и без молока, – ничего этого в доме не нашлось. Димка съел пару ложек, поморщился и отодвинул от себя тарелку.

– Почему ты не ешь?

– Не хочу.

– Невкусно мама готовит?

– Пряник хочу, – виновато вздохнул Дим Димыч. – Или хотя бы... йогурт.

Надя, не в силах сдержать нахлынувшую вдруг ярость, начала с грохотом выдвигать ящики, распаивать шкафы, холодильник, морозильную камеру и зачем-то даже окно...

– Нет у меня пряников! И йогурта нет! – зашипела она в лицо перепуганному Димке. – Не накупила я тебе разносолов!

Сын, закрыв лицо руками, выбежал из кухни.

Он даже реветь за последние дни разучился – просто закрывал лицо ладонями и прятался за свою кровать, когда Надя начинала кричать.

– Господи, – разрыдавшись, она села за стол, попробовала кашу и выбросила ее в ведро вместе с тарелкой. – Господи, не могу больше...

Размазывая по лицу слезы, она закрыла все шкафы, задвинула ящики.

Продуктов действительно не было, и не только продуктов – спасительного лекарства от этих приступов ярости, виски, – тоже не оказалось.

На Ангелину она вчера накричала, сказала, «чтоб ноги ее больше не было», и теперь Димку придется оставить одного. Ну, ничего, она быстро в соседний магазин сгоняет – он из-

за кровати своей даже вылезти не успеет...

Надя рукой пригладила волосы, взяла из заветной шкатулки деньги, которые пока еще приносил «Солнечный ветер», и пошла в магазин.

Спустившись на два лестничных пролета, она не удержалась и побежала – так мучительно захотелось сделать первый за день глоток виски.

Чувство вины не уходило.

Ольга гнала его, уговаривала себя, что Леонид Сергеевич не мог умереть оттого, что она уехала, но почему-то оставалось сомнение – а вдруг, если бы она была рядом, все обошлось бы...

Почему она не смогла соврать ему, что стопроцентно и безусловно счастлива?! Зачем про новый дом наплела и его обустройство, словно не понимая, что Барышева-старшего это интересует в последнюю очередь. А в первую – смогли ли они с Сережей вернуться к отправной точке своей любви – забыть, простить, сделать выводы и начать все сначала.

Почему она не смогла соврать? Чувство вины изводило и усугублялось тем, что Сергей не пытался ее успокоить.

Он словно окаменел – отсек себя от внешнего мира, двигался, говорил, как на автопилоте, думая о своем, или не думая, просто застыв от боли...

Может, тоже чувствовал себя виноватым?

Прикидывал, сколько лет жизни украл у отца раздраем в

своей семье, продлившимся больше года?..

Сергей запирался в кабинете Леонида Сергеевича, садился за его стол и часами сидел, глядя в одну точку.

– Сварить тебе кофе? – Ольга подошла сзади неслышно, положила руки ему на плечи.

Он ничего не ответил, похоже, даже не услышал вопроса. Перед ним на столе стояла большая фотография в рамке, с нее смотрели молодые, улыбающиеся, влюбленные отец и мать...

Ольга на цыпочках вышла из кабинета, прикрыла неслышно дверь. В гостиной притихшие дети выжидательно на нее смотрели, словно надеясь услышать что-то хорошее.

– Мам, а где сейчас дедушка? – тихо спросила Маша.

– Дедушка на небесах. Так всегда в кино говорят, – вместо Ольги ответил Костя.

– Нет, он в больнице! – Машка бросилась к матери, обняла ее и заплакала. – Правда? Правда, мама?!

Ольга погладила дочь по голове, поцеловала в макушку.

Может, опять соврать и сказать: «Да, дедушка в больнице»? Только завтра похороны, и скрыть его смерть не удастся, и придется пережить и это детское, безутешное горе, еще больше усугублявшее чувство собственной вины.

– Мы потом обязательно поговорим об этом... Завтра. Давайте одевайтесь, умывайтесь... и завтракать.

Наверное, это было неправильно и малодушно, но сказать сейчас, что дедушка умер, она не смогла.

Пришлось выбирать – покупать дорогой виски и сэкономить на других продуктах или взять дешевого пойла и закупить Димке вкусностей.

Надя решила – какая разница, что пить... Лишь бы градус был не ниже шестнадцати.

Она взяла три бутылки сухого вина и шесть алюминиевых баночек с дешевой водкой. Зато Димке накупила и фруктов, и пряников, и конфет, и йогуртов, и даже огромную толстую индейку, которую можно запечь с черносливом.

На кассе, когда Надя отсчитывала деньги, у нее затряслись руки. Ей нестерпимо захотелось прямо здесь, немедленно, открыть банку и сделать хотя бы пару глотков.

«Я не алкашка», – подхватив пакеты и направляясь к выходу, убеждала она себя, еле сдерживаясь, чтобы не начать хлебать водку прямо в дверях супермаркета...

«Я не алкашка, я просто не хочу жить в мире, где нет моего Димочки». – Этот довод позволил ей достать из пакета банку, содрать «замок» и присосаться губами к холодному алюминию.

– Классный байк, – услышала она развязный голос какой-то девчонки. – Володь, когда ты меня на таком покатаешь?

– Да прям сейчас! Хочешь? – хохотнул тот.

Надя увидела у фонтана группу парней и девчонок лет восемнадцати-двадцати. Они толпились у черного спортивно-

го мотоцикла, отсвечивающего на солнце хищным гляncем.

– Не суетись, – усмехнувшись, сказала высокому черноволосому парню девчонка с красными волосами, ошетилившимися в короткой стрижке. – Тебе за этот байк больше лет дадут, чем она рублей стоит, – и девчонка пренебрежительно кивнула на подругу с золотым колечком в носу.

– Све-ет, – злорадно протянула длинная девица в розовых лосинах, – да тебя никак в деревянных заценили!

«Кольцо в носу», легко поддавшись на провокацию, подошло впритык к «красной стрижке» и ткнуло ее кулаком в грудь.

– А ты чего, тут самая дорогая?!

– Во всяком случае, самая умная! – Не оставшись в долгу, красноволосая дернула Свету за провоцирующее и опасное в драке колечко. Та завизжала, ответив сопернице сильным пинком по ляжке.

Парни громко заржали.

Один из них – тот самый Володя, – надев каску и лихо оседлав байк, с силой нажал на клаксон, пронзительным ревом подначивая дерущихся.

Девчонки визжали, пиная друг друга и пытаясь вцепиться в волосы. Если бы не оглушительный гудок, которым юный подонок пытался распалить схватку, если бы не громкое ржание его дружков, Надя сунула бы банку в пакет и ушла...

Но девчонку с красным «ежи́ком» на голове под новый взрыв смеха сбила с ног и начала пинать тяжелой кроссовкой

более крупная Света.

– Вован, а круто, когда из-за тебя бабы дерутся! – крикнул один из парней.

Надя подскочила к дерущимся и выплеснула остатки водки Свете в лицо. Не ожидавшая атаки девчонка отпрыгнула, заорала и, зажмурившись, стала тереть кулаками глаза. Парни притихли, увидев, как Надя протянула руку скорчившейся на земле девушке:

– Вставай!

Девчонка встала сама, не воспользовавшись предложенной помощью, и лицо ее отчего-то не выражало ни признательности, ни победы.

– Ты чего? – мрачно спросила она, еле шевеля разбитой губой. – Не лезь!

– Как хочешь, – Надя подняла с земли пакет с продуктами и пошла к дому.

И правда – чего это она? Только водку зря выплеснула.

– Слав, это кто вообще?! – крикнул у нее за спиной один из парней. – Познакомишь?

Славой, очевидно, звали девчонку с красными волосами. Она ответила парню длинной нецензурной тирадой и догнала Надю на детской площадке.

– Чего ты полезла-то? – бесцеремонно дернула она ее за рукав.

– А что, не надо было? – Надя поставила пакет на скамейку, с насмешкой оглядела прикид неформалки – к красным

волосам прилагались неоново-зеленые шорты, белые с красным кроссовки, лиловый топ и пирсинг на нижней губе.

– Это не твое дело, – без особой уверенности сказала Слава.

– Ну и иди тогда к ним! – кивнула Надя в сторону фонтана, подхватила пакет и пошла к подъезду.

– Да на фига они мне сдались? – Девчонка в два прыжка нагнала Надю и пошла рядом. – Тупое стадо! Я круче их всех! Я им еще покажу, смеяться буду всем назло!

Столько детского отчаяния было в этих словах, что Надя остановилась и посмотрела девчонке в глаза. Наверное, с жалостью, которую так не любила сама.

– Чего встала? – ощерилась тут же Слава. – Мне твоя помощь не нужна! Мне никто не нужен! Оставьте меня все в покое!

Надя столько раз выкрикивала эти слова сама, что, услышав их в свой адрес, не сдержала горькой усмешки.

Эта девчонка бежит за ней и пристает с криком «Отстань!».

А может, и она тоже преследует всех с криками «Оставьте меня в покое!»?

Захотелось запить это открытие водкой.

Она вынула из пакета банку, откупорила и, сделав глоток, протянула Славе:

– Надежда.

Слава, звякнув о банку сережкой в губе, отпила почти по-

ловину и вернула водку Надежде.

– Ну и гадость! Ярослава, – представилась она.

Надя опять хлебнула и передала банку Славе. Они молча, по очереди, допили водку на глазах у мамаш с детьми и благообразных старух.

– Как вам не стыдно! – послышался возмущенный возглас бабки с соседней скамейки. – Дети на вас смотрят!

– А таким не стыдно! – скандально заявила мамаша с коляской. – Она уже стыд пропила!

– И молодую спаивает! – подключился мужской фальцет.

– Да молодые сами хороши!

– Пойдем ко мне, – бросив банку в урну, предложила Надежда. – А то заклюют.

– Не фиг делать, – согласилась Слава. – Пойдем.

И, показав почтенной публике средний палец, направилась за новоявленной подругой.

– Скоро будем обедать, – сказала Ольга Сергею, когда он вышел из кабинета.

Барышев молча подошел к столу и взял утреннюю газету. С первой полосы улыбался Леонид Сергеевич в траурной рамке.

Сергей пару секунд подержал газету в руке и убрал ее в шкаф портретом вниз, словно протестуя против некролога и черного обрамления родного лица.

– Сережа, а когда...

– Завтра, – отрезал он.

Ольга хотела спросить насчет обеда, но он ответил про похороны.

Ну, конечно же, о чем еще он может размышлять с таким лицом...

– Как ты думаешь, Сереж... Может быть, не надо брать детей на похороны?

Он посмотрел на нее так, будто она попросила разрешения не надевать траур и включить веселую музыку.

– Как хочешь. Но это их дедушка.

«Я виноват. Ты можешь ни во что не ставить мои слова», – явственно показал он своим тоном.

Но она вовсе не собиралась ставить условия. Она... за детей боялась.

– Мы бы потом сходили с ними на кладбище. А завтра будет очень тяжело, я переживаю, как они это перенесут!

– Делай, что считаешь нужным, – с каменным лицом ответил Сергей и вышел из комнаты. Через пару секунд хлопнула входная дверь.

А может, он не себя перед ней считает виноватым, а ее – в смерти отца?

Господи, как тяжело от этой недоговоренности и невозможности прямо, как раньше, спросить: «Скажи, что мне сделать, чтобы тебе стало легче?»

Вернее, спросить-то можно... Только ответ будет с учетом вины за измену, а значит, опять: «Делай так, как считаешь

нужным»...

Ольга заметила на столе конверт, взяла, чтобы посмотреть адресата. Письмо предназначалось Леониду Сергеевичу.

В комнату зашла Машка с несчастным, заплаканным лицом – наверное, Костик все-таки объяснил ей, что «дедушка на небе». У Костика был опыт потери – его мать погибла несколько лет назад.

– Мам, куда папа опять уехал? – отчего-то шепотом спросила дочь.

– По делам.

– А мы не будем есть?

– Кто тебе сказал? Марш руки мыть!

– Угу. А это кому письмо?

– Дедушке.

Машка посмотрела на нее удивленно, словно хотела спросить – разве тому, кто умер, могут писать письма?

– А от кого?

– От Терентьевой Зинаиды Михайловны, – прочитала имя на конверте Ольга.

Маша взяла письмо, будто желая убедиться, что дедушки нет, а Зинаида Михайловна все еще хочет ему что-то сказать...

– Мы будем его читать?

– Нет. Это же не нам письмо.

Ольга убрала конверт в шкаф, к газете с портретом в траурной рамке, а когда обернулась – Маши в комнате уже не

было.

Ольге показалось, что она должна еще что-то сделать... Что-то важное, правильное и нужное. Она позвонила Наде, но та, как всегда, не ответила... Ольга увидела свое бледное, осунувшееся отражение в зеркале на стене и вдруг поняла – зеркала! В доме, где кто-то умер, надо занавесить все зеркала.

Она бросилась к шкафу и стала доставать из него простыни, полотенца, скатерти... И вдруг вспомнила – у Леонида Сергеевича только одно зеркало. Вот это – старое, в бронзовой раме.

Ольга села на стул и горько, навзрыд заплакала, уткнувшись в какую-то скатерть, пахнущую стиральным порошком. Первый раз после смерти Леонида Сергеевича заплакала – потому что только сейчас вдруг до конца осознала – папа умер, завтра его похоронят, и он никогда, никогда больше не спросит ее так, чтобы никто не слышал: «Оленька, ты счастлива?»

Несмотря на пыль, разбросанные вещи и немытые полы, квартира вызвала у Славы восхищение.

Она обошла все комнаты, ощупывая дорогие безделушки на полках, бесцеремонно разглядывая мебель и плазменную панель.

– Здорово! Хорошо живешь!

– Угу, – усмехнулась Надежда. – Обзавидуешься.

Она ходила с пакетом за гостьей, размышляя – прервать этот музейный осмотр или наплевать, пусть смотрит...

Ярослава остановилась перед фотографией на стене, где Димка и Надя улыбались меж заснеженных еловых лап.

– А это кто? – пренебрежительно спросила она, ткнув пальцем с синим облезшим лаком в Грозовского. – Муж или так, встречаетесь? Красавчик. – Слава наморщила нос, посмотрела на Надю и постучала пальцем по Димке. – Я таким не доверяю!

– Не твое дело, – отрезала Надя. – Не лезь в мою жизнь. Я же в твою не лезу...

– Ничего себе, не лезешь, – посмеиваясь, Слава пошла на кухню, – чуть всех моих френдов не поубивала. – Ее слова донеслись уже из коридора. – Слушай, я поживу у тебя пару дней! А то есть так хочется, что даже переночевать негде...

Надя достала кошелек из сумки и сдачу с пяти тысяч вернула в шкатулку. До конца месяца оставалось... Она попыталась пересчитать деньги, но руки тряслись, и она сбилась. Хватит, решила Надя, если водку вместо виски покупать.

Она подровняла стопочку купюр, постукивая ею о стену, положила в шкатулку, а шкатулку вдруг по какому-то наитию поставила не в сервант, а спрятала за батарею.

«Не забыть бы», – мелькнула мысль.

Она ощутила какое-то движение в коридоре, обернулась, но в дверном проеме никого не было.

Главное – не забыть, повторила она себе и пошла на кух-

ню.

Из детской осторожно выглянул Димка.

– Мам! – жалобно позвал он.

– Держи! – Надя отдала ему пакет пряников, два йогурта и поцеловала в горячие мокрые щеки. – Посиди пока у себя, я что-нибудь приготовлю.

Димка кивнул и шмыгнул за дверь, как затравленный маленький зверек.

На кухне Слава рассматривала содержимое холодильника, где стояла лишь бутылка с остатками кетчупа. Надя, отеснив гостью плечом, стала доставать из пакета продукты и заполнять холодильник.

Если ты решила, что я алкашка, то вот тебе, вот... Последним аккордом к этому «вот» стали ананас и индейка.

– А ты борщ любишь, Надь? – заискивающе спросила Слава. – Давай, я завтра свой фирменный сварю, а?

Надя вспомнила, что не ответила Ярославе отказом на просьбу пожить у нее два дня. Впрочем, это была не просьба, а скорее, утверждение.

– О! И котлет накрутим! – Слава подбросила на ладони пачку фарша, но, наткнувшись на Надин взгляд, вернула фарш на полку холодильника. – Да это я так... – она вдруг потеряла всю свою самоуверенность. – Хочешь, я прямо сейчас уйду?

– Куда? – хмыкнула Надя, выгружая спиртное на подоконник.

– В общагу. Я приезжая, в техникуме учусь.

Надя решила сказать, что и правда – лучше в общагу. Но тут прибежал Дим Димыч с перепачканным йогуртом ртом и протянул ей лист с цветными каракулями.

– Мама, смотри! Это кто?!

– Не знаю, Димыч, – не взглянув на листок, ответила Надя, – ты же рисовал, а не я!

Димка надулся, хотел уйти, но Слава неожиданно подхватила его на руки, с интересом уставилась на рисунок.

– По-моему, это динозавры. Или нет?

– Да! – радостно завопил Димка.

– Я в динозаврах разбираюсь, – серьезно сказала Ярослава, поставив Дим Димыча на пол. – У меня братеньник таких же рисует. А вы где обычно обедаете, на кухне или в столовой?

– Мне все равно, – пожала плечами Надя, открывая водку.

А что, пусть поживет девчонка... Димка на нее с обожанием смотрит.

– А ну марш к себе! – прикрикнула она на сына и, когда он убежал, спросила, кивнув на водку и два разномастных стакана: – Ты как?

– Можно! За знакомство!

Слава сама нарезала сыр, колбасу, разложила по тарелкам салат и уселась напротив Надежды со счастливым лицом. Даже сережка в ее губе засияла особенно ярко, когда она разливала водку.

– Хороший пацанчик, – елеино пропела она. – Отец-то у него кто? Он? – Слава показала пальцем в сторону гостиной, где со стены улыбался Грозовский.

Надя стиснула зубы.

Почему она не прогнала эту хабалку сразу? Зачем позволила ей снова задавать вопросы, от которых хочется выть, пить, бить посуду и всех вокруг?..

– Ну, не хочешь, не говори, – вздохнула Слава, по Надиному лицу поняв, что сболтнула лишнее. – За тебя! – подняла она стакан.

Я ведь Димочке этот стакан покупала, вспомнила Надя, а он, увидев золотой знак евро на прозрачном стекле, сказал: «Матушка, ну когда же ты поймешь, что не все, что блестит – красиво?» Надя тогда обиделась и стала отмерять этим стаканом муку для пирогов. Стакан – ровно двести пятьдесят граммов... А Дима продолжал пить чай из «стильной», как он считал, керамической кружки с изображением какого-то аббатства, привезенной из Англии.

Вот, значит, как бывает...

Покупаешь подарок любимому мужу, а водку из него пьет девица с синими облупленными ногтями и сережкой в губе, которая стучит о стекло так, что мурашки по коже...

Надя влила в себя водку, откинув голову назад и раскрыв рот, будто в беззвучном крике.

Слава внимательно на нее посмотрела, аккуратно поставила стакан с золотым евро на стол и вдруг очень проникно-

венно сказала:

– Вот что, Надь. Рассказывай, какое у тебя горе. Я же вижу, ты сама не своя. Обязательно нужно душу вывернуть! Не помогу, так хоть поплачу с тобой.

И так хорошо, так правильно она это сказала – «не помогу, так хоть поплачу с тобой», – что у Нади словно клапан какой-то внутри открылся, и выплеснулось наружу все самое сокровенное.

И не алкоголь был тому виной, а то, что первый человек во всем свете догадался не поучать ее, не требовать жить ради ребенка и быть сильной, а просто – понять, поплакать и... вместе выпить.

Целый час, опустошая банки с водкой и почти не закусывая, она взахлеб рассказывала Ярославе, как полюбила Грозовского, а он не сразу, но полюбил ее, несмотря на то что она не вписывалась ни в какие параметры гламурной красоты; как ревновала его к девчонкам в агентстве, у которых красоты этой хоть отбавляй, – да что там к девчонкам, к консьержке сорокалетней, что в подъезде сидела и на Димочку влюбленные взгляды бросала, и то ревновала. А Димочка смеялся над ней и даже дразнил иногда – да и девчонки в агентстве, и консьержка ничего, и вообще бабы прохода ему не дают, и все красивые, длинноногие, хоть на подиум, хоть на экран, только... скучно ему с ними и тошно. А с Надькой уютно, спокойно, весело и драйва столько – словно на гоночной машине по трассе летишь... А еще он орал на нее, ко-

гда она ревновала и глупости говорила. Мог даже запустить чем-нибудь, да и она в долгу не оставалась. Тоже кричала, дай бог, и бомбардировку бронзулетками устраивала, а потом они мирились – бурно и страстно, – до следующего Надькиного бзика насчет измены.

А еще он ругал ее за вкус, вернее, за его отсутствие, и говорил – матушка, да кто ж такие маки красные на себя надевает, а она... все равно надевала и верила, что нравится ему только такой – толстой, рыжей, в веснушках и красных маках.

А теперь ничего этого больше нет – видно, та гоночная машина слишком быстро летела, и водитель не справился с управлением...

Теперь этого ничего нет, и остается только пить водку, чтобы в ярости не бросаться на окружающих с кулаками оттого, что именно ее пилот сошел с трассы и она осталась одна – с останками того, что было ее жизнью, ее счастьем...

Надя долго и сбивчиво говорила, но вдруг ее озарило – ничего не понятно из этого пьяного бреда, и как ни рассказывай, все равно не передашь и тысячной доли своего горя, своей потери.

Но Славка, кажется, поняла... Утерла слезы, размазав тушь, и протянула:

– Да-а... Надюха, вот это шарахнула тебя жизнь по голове! Такой парень! Как в сказке! Даже на фотках видно, как ему с тобой хорошо. Правда! Ты там светишься, и он тоже... Эх,

какая любовь, аж завидно!

Слава встала, подошла к ней, обняла, прижалась щекой к лицу, холодя висок сережкой в губе, и заревела, смешивая свои слезы с Надиными.

Никто так с ней не плакал, смешав слезы – даже Ольга...

– Ты молодец, Надька, – обжигая ухо горячим водочным дыханием, прошептала Ярослав. – Я умерла бы, наверное!

– А я и умерла! – всхлипнула Надя. – Все привыкли, что я железная! Они меня в слезах и соплях видеть не хотят, даже Оля, подруга лучшая! Она только одно замечает – что я выпила! А почему я выпила, она понимать не хочет! Я что, алкашка, Слав?!

– Да брось ты! – Слава взяла банку и разлила по стаканам остатки водки. – Алкаши от горя пьют, что ли? Они от дури!

– Вот и я говорю. А Оля не понимает.

Они чокнулись, выпили – опять словно слезы смешали...

– Наплюй! Твоя жизнь, как можешь, так и цепляешься за нее!

Вот почему Ольга ей так ни разу не сказала – как можешь, так и цепляйся?!

– Она думает, что тоже горя хлебнула и поэтому учить меня может, – больше себе, чем Славе, сказала Надя. – А что у нее за горе? Первый муж подонком оказался, а со вторым повезло. Один раз налево сходил, так она до сих пор это забыть не может!

– А, налево! – хмыкнула Слава. – Обычное дело у мужи-

ков. Живой-здоровый «слева» вернулся – ну и радуйся!

– Вот и я говорю! Он ее теперь на руках носит! Слова поперек не скажет – знает, что виноват... – Слезы закончились, осталось одно отчаяние, которое водка на этот раз не заглушила, а распалила. – А вот когда нет человека! – крикнула Надя. – Нет и не будет уже!.. Он тебя не обидит и не простит! Ни плохого, ни хорошего не сделает! Его нет! Его просто нет!

Уронив голову на руки, Надя почувствовала, как гладит ее по волосам Слава.

Услышала, как она приговаривает:

– Ты молодец, Надька, молодец...

Вот почему Ольга ни разу ее так не погладила?

Почему не сказала ни разу: «Ты молодец, Надька, молодец»?

Клиент созрел, радостно подумала Ярослава, услышав, что Надины всхлипы затихли, сменившись ровным дыханием.

Эта алкашка оказалась просто подарком судьбы – богатая и доверчивая. Два раза по голове погладила, а клофелина таблетку в водку подсунула – и, пожалуйста, выноси, что хочешь.

А выносить отсюда – не переносить. Только бы пацан из детской не высунулся. Жаль, ему таблетку не получилось подсунуть...

Она подошла к детской, прислушалась.

Заснул, наверное. Но на всякий случай подперла дверь шваброй.

Еще раз прошлась по комнатам, обследовала ящики всех шкафов, достала из-за батареи шкатулку с деньгами – замучилась доставать, – и только потом позвонила Володе.

– Привет! Я тут в гостях... Такая хата! Ага, деньги, золото, бриллианты... – Она тихо рассмеялась, представив, как вытянулось сейчас лицо у Володи и как он напрягся, словно собака, взявшая след. – А хозяева спят, проснутся не скоро!

Слава продиктовала адрес и вернулась на кухню.

– Лохушка, – добродушно потрепала она по плечу Надю. – Кто ж первого встречного в квартиру приводит? О ребенке подумала бы!

До приезда Володи, чтобы сэкономить время, она нашла дорожную сумку и начала кидать в нее шмотки.

У лохушки на пальце поблескивало кольцо с бриллиантом, Слава еле сняла его, ободрав палец в кровь.

Все, теперь она и сапоги новые купит, и квартиру снимет, и Вовка ее не бросит. Во всяком случае, до тех пор, пока деньги не кончатся.

Вовка приехал минут через сорок.

Поддатый, само собой. Хотя чем больше он поддатый, тем быстрее на байке гоняет. Менты с мигалкой догнать не могут...

Интересно, Светка догадалась, что он из клуба к ней рва-

нул?

– Володечка! – Слава бросилась ему на шею, едва он переступил порог. – Правда, я молодец?!

– Молодец, молодец... – Он расцепил ее руки, прошел на кухню и пнул по ноге Надю. – А она точно спит?

– Я ее всю ночь поила!

Про клофелин ему знать не обязательно. Это ее, Славкино, секретное оружие.

– А это кто? – Вовка посмотрел на невесту как вышедшего из детской Дим Димыча. Тот хлопал глазенками, глядя на гостей, но плакать не думал, потому что уже полюбил Славку за динозавров.

Она засмеялась, подхватив Димку на руки:

– Ребенок. Не видишь, что ли? Димка, ты динозавров до-рисовал?

– Нет.

– Ну, как это – нет? Что же мы маме подарим? Иди, рисуй!

Она отнесла Димку в детскую, посадила за стол, всунула в руку фломастер.

– А мама спит? – спросил Димка.

– Спит, спит. Проснется, а мы ей динозавра в подарок!

Можно было, конечно, скормить ему клофелин – «съешь витаминку!» – но она не решилась. Дозу не считаешь, малый копыта откинет, а ей грех на душу брать не хочется...

Слава осмотрела дверь, подивившись собственной тупости – дверь открывалась вовнутрь, а она шваброй ее снаружи

подперла. Похоже, алкоголь и ей в голову долбанул, хотя для нее двести граммов водки – детская доза.

Вовка все еще ошивался на кухне, сгребая в сумку продукты из холодильника – индейку, йогурты, фарш в пачке.

– Ты, что ли, голодный? – хохотнула Слава. – На фига тебе харчи? Я же говорю, тут добра полный дом. – Она потянула его за рукав в комнату, но он смахнул в сумку всю водку и прихватил ананас.

– Слушай, а она вообще жива? Даже не шевелится! – Вовка снова пнул Надю по ноге.

– Володечка, да чего ты за нее переживаешь? Очухается! Скажи, я здорово придумала?

– Здорово, здорово...

В гостиной и спальне он ориентировался так, будто всю жизнь прожил в этой квартире. В ящиках комода отыскивал драгоценности, в шкафах – шубы и сапоги, в столе – дорогой планшетник, айфон, ноутбук...

Славке вдруг показалось, что не подсмотри она, куда Надя прятала деньги, он и за батареей бы их «унюхал».

Она собрала всю косметику. С сожалением посмотрела на плазму – жаль, не унести такую громадину.

Когда сумки были до отказа забиты, Слава взяла красный маркер и на фотографии Нади с Грозовским – сладеньких, мерзких в своем прошлом благополучии, – крупно написала по их счастливым лицам «Лохи».

Предстояло незаметно выбраться из подъезда.

– Слушай, мы на байке все это не увезем, – осенило ее.

– Я что, идиот, байк гнать на такое дело? – хмыкнул Володя и подмигнул ей. – Я «Тойоту» у клуба подрезал.

– Ой! Вовчик! – взвизгнула Слава. – Может, плазму тогда прихватим? А если на соседей нарвемся, скажем, Надюха переезжает, помочь просила!

– Сообразительная моя, – Вовка наградил ее щелчком по носу и принялся снимать плазменную панель. – А Надюха знает, где ты живешь?

– В общежитии техникума!

Он замер и зло посмотрел на Славу.

– Да чего ты? – перепугалась она. – Мало ли в Москве техникумов и общежитий? К тому же она все равно... – Слава чуть не сболтнула про клофелин, но удержалась. – Пропала, короче, тетка. Даже как-то жалко ее.

– Жалко?! – Вовка снял телевизор с кронштейна, поставил на пол, прислонив к стене, и ткнул пальцем в колечко с бриллиантом, сверкавшее на Славкином пальце. – А чего ж ты тогда?..

– А это – естественный отбор. Помнишь, по биологии проходили? Она у Москвы кусок оторвала, да не удержала. Теперь я попробую.

Славка, отставив руку, полюбовалась кольцом.

– Может, ну ее, плазму эту? Тяжелая, зараза, – задумчиво сказал Вовка.

– Нет уж! Она тыщ пятьдесят стоит!

– Мама! – заплакал вдруг Димка на кухне. – Мамочка...

– Быстрее! – Вовка подхватил панель. – Ты что, пацана закрыть не могла? Сумки хватай и на выход.

Когда они шли к двери, Слава увидела, что Димка, плача навзрыд, трясет Надю за руку и пытается показать ей листок с динозавром...

Сергей взял такси и уехал за город, далеко, километров за сто...

Чтобы никто не предлагал ему пообедать. Чтобы на глаза не попадались портреты отца в траурной рамке. Чтобы можно было не бояться заплакать.

Он пришел на берег реки и нашел то место, где они с отцом обычно рыбачили. Сел на камень, закрыл глаза, слушая течение реки, крики птиц и шум ветра, треплющего густую траву.

Он почему-то никогда не думал о том, что отец когда-нибудь умрет. Ему казалось – профессор, доктор медицинских наук даже заболеть не может, потому что знает о болезнях все. И от смерти его спасут лекарства, сложные аппараты, которых полно в больнице, новые методики, технологии, всемогущие коллеги, в конце концов...

Но ничего не спасло.

Словно он был простым смертным, а не гением медицины.

Сергей посмотрел в прозрачную воду – клёв, наверное, как никогда. Отец бы сейчас костерок развел, а дядя Гена

его поучать начал – как правильно уху варить. Они всегда спорили, как ее варить – в конце стакан водки вливать или... горящее полено в нее совать, или уже затушенное – чтобы паленым духом варево пропиталось.

Колдовали, мучились, спорили, а потом под гитару пели, забыв про уху.

– Подпевай, Сереж! – попросил как-то дядя Гена.

– Да отстань от него, – засмеялся отец. – Ему ж медведь на ухо наступил!

– Где этот медведь?! Я хочу с ним серьезно поговорить! – Дядя Гена сурово огляделся по сторонам, заметил многострадальный котелок с ухой и только тогда воскликнул: – А ушица-то дошла небось!

Они ели ее, обжигаясь, нахваливая и опять споря – поле-но-то не березовое надо было совать, а осиновое!

...Воспоминания прервал телефонный звонок. Барышев решил не отвечать, но назойливая вибрация вырывала из прошлого.

– Да, – резко сказал он в трубку.

– Сережа, я очень переживаю. Где ты? – взволнованно прозвучал голос Ольги.

– Я скоро приеду.

– Где ты? Может, я чем-то помогу?

– Оля! Чем ты сможешь?! – не сдержавшись, закричал он. – Не дергай меня!

Он пальцами сжал виски. Неужели она не может понять,

что его нужно оставить в покое? Не кормить, не гладить, не ходить за ним на цыпочках, а просто – не трогать!

Теперь он снова виноват – накричал.

Как же это тяжело – жить с постоянным чувством вины. Особенно когда эта вина усугубляется смертью отца.

А вдруг... его сердце не выдержало того, что сын – легкий, похабный бабник...

Ольга бы многое отдала, чтобы быть сейчас рядом с Сергеем.

«Не дергай меня!»

Первый раз он повысил на нее голос после измены.

Так уж получилось, что его адюльтер разделил жизнь на «до» и «после». До – к его резкостям она относилась с пониманием, после – он резкостей себе не позволял.

Его покорность делала жизнь какой-то ненастоящей. Его вина не давала ей почувствовать прежнего Барышева – мощного, своенравного, но при этом – любящего и нежного.

Поэтому «Не дергай меня!» не обидело Ольгу, а лишь заставило переживать еще больше – если сорвался, значит, он на пределе, значит, надрывает свое сердце не только чувством вины перед ней, но и перед отцом...

Она открыла старую толстую записную книжку, лежащую в коридоре на тумбочке, нашла фамилию Градов и номер его телефона.

Юра ответил сразу жестким «чиновничьим» голосом, ко-

торый словно предупреждал – по пустякам не звонить.

– Юра, – смутилась она. – Это Ольга Барышева. Прости, что беспокою. Сережа не у тебя?

– Нет. А сказал, что у меня?

– В том-то и дело, что ничего не сказал... Ему очень плохо, а я не знаю, где он!

– Оль, – голос у Юры потеплел, от чиновничьих интонаций и следа не осталось, – ты вот что, чаю с медом пока попей. Когда вторую чашку допьешь, я нашего Серегу тебе в целости и сохранности приведу. Договорились?

– Договорились. Спасибо.

Мед Ольга не нашла, но послушно выпила чай с вареньем – маленькими глотками, – чтобы время ужалось до тех самых «двух чашек», которые понадобятся Юрке Градову для поисков Сергея. Над второй чашкой пришлось просидеть почти час, прежде чем раздался звонок в дверь.

Градов завел Сергея, поддерживая его за плечи. Барышев, словно не замечая Ольги, разулся и ушел в кабинет отца.

– Он выпил? – спросила Ольга.

– Нет, – покачал головой Юрка, – но ты его пока не трогай. Завтра я вам помогу. А там... Время вылечит.

Завтра... Завтра должны состояться похороны. И опять жизнь поделится на «до» и «после».

До смерти Леонида Сергеевича и после...

Ольга знала – время не лечит, оно только отдаляет от болевой точки.

– Спасибо, Юра.

Он легонько сжал ее руку.

И вышел.

На кладбище приехало человек двести.

Все, кто был на юбилее, а еще те, кому Барышев-старший спас жизнь. Их могло быть гораздо больше, просто не все узнали о его смерти.

Говорили речи – не официальные, протокольные, – а искренние, сбивчивые и несвязные, с еле сдерживаемыми слезами.

Когда гроб опускали в могилу, Сергей закрыл лицо руками. Ольга решила – заплакал, но когда он отнял руки, глаза оказались сухими. Он досмотрел до конца, как могилу засыпали, как поставили памятник, спрятав его под горой венков и цветов.

К Сергею подошла девушка с косой и заплаканными голубыми глазами. Ольга вспомнила – с ней Леонид Сергеевич разговаривал в ресторане. Марина, кажется...

– Сережа, мне очень жаль... Поверить не могу!

Ольга глазами ей показала – не надо ничего говорить, он не слышит, не понимает, не чувствует. Марина кивнула и присоединилась к потоку людей, двинувшемуся к автобусам.

Ольга взяла Барышева под руку и повела, словно маленького – словно слепого! – помогая найти дорогу. Если бы она его не повела, Сергей так и остался бы стоять, глядя на све-

жую могилу.

– Я не смог спасти Леонида Сергеевича! – с надрывом сказал кто-то сзади. Ольга оглянулась – пошатываясь, с серым от горя лицом за ними брел Борис. Его под руку поддерживал Градов.

– Не вини себя, – сказал Юра. – Ты сделал все, что мог.

– Да, сделал... Но я должен был раньше... заметить. – Поравнявшись с Барышевыми, Борис сменил тему: – Что теперь с выборами, Юр?

– Не знаю, – вздохнул Градов. – Леонид Сергеевич для меня гарантом был. Трудно будет. Что притворяться? Люди в моем лице его выбирали бы.

– А Сергей тебе не сможет помочь? – Борис вопросительно посмотрел на отрешенное лицо Барышева.

– Чем? Сам видишь, в каком он состоянии.

Сергей неожиданно вырвал руку у Ольги и стремительными, широкими шагами пошел вперед, обгоняя толпу.

– Сережа! – Ольга хотела догнать его, но Градов остановил ее, придерживая за плечо:

– Не надо. Пусть... Ему лучше побыть одному.

Ольга поправила на голове черную косынку. Предстояло еще пережить поминки... В том самом ресторане, где два дня назад праздновали семидесятилетие Леонида Сергеевича.

И Сергея на них, скорее всего, не будет.

Придется справляться одной.

Утром Ангелина возвращалась из магазина домой.

Сегодня сын обещал навестить ее с внуком, и ради этого стоило постараться – напечь пирогов, чтобы Игоряша наконец осознал, что жена его – ленивая и безрукая, тесто готовое покупает. А в последнее время вегетарианкой заделалась и семью свою хочет на эту стезю повернуть.

ТЬФУ!

Вот специально сегодня пирожков сто с мясом сделает и с собой им даст. Ребенку белок нужен. А мужику – тем более.

Раздраженная этими мыслями, Ангелина не сразу обратила внимание, что из-за Надиной двери раздается детский плач. Впрочем, даже услышав, не очень-то всполошилась.

А чего еще ждать от алкашки? Напилась небось в стельку, а Димка есть хочет... Пусть расхлебывает сама, раз не захотела платить за услуги няни. Дождется, лишат ее материнских прав.

Ангелина поднялась на пролет выше, но Димка так надрывно, так громко плакал, что она спустилась к квартире.

– Дима! Где мама? – крикнула она.

Вместо ответа мальчик зашелся в новом приступе рыданий.

– Дима! – Ангелина заколотила кулаком в дверь. – Надя! Надежда!

Вот забесплатно теперь бей тревогу! И не бить нельзя – вдруг эта алкоголичка покончила с собой, а ребенок один,

рядом с телом...

Ангелина Васильевна с трудом, перехватывая пакеты сначала из руки в руку, а потом поставив их на пол, достала из сумки телефон, набрала службу спасения и сообщила – деловито и без паники:

– Самоубийство. Ребенок один в закрытой квартире.

Парни из МЧС вскрыли дверь за десять минут.

Ангелина маялась – с одной стороны, ее мучило любопытство, что там, за железной дверью, с другой – если в понятия вдруг попадет, не успеет испечь сто пирожков и умыть лентяйку-невестку.

Впрочем, решать уже поздно – дверь открылась, и Ангелина вместе с «синими куртками» шагнула в квартиру.

Дима не плакал – он тихо выл, забившись в уголок в коридоре. Увидев Ангелину, бросился к ней, прижался всем телом и заскулил:

– Мама... мама...

Ангелина не поняла – ее он, обезумев, называет мамой или пытается что-то сказать про Надежду.

Ничего не оставалось делать, как взять Димку на руки, ладонью утереть ему слезы и, положив с таким трудом доставленные до дома продукты на пол, последовать за спасателями.

Надя сидела за столом, уронив голову на руки. Ее рыжие волосы распластались по столу страшным, безжизненным.

ным ореолом. Рядом стояли пустая банка из-под водки и тарелки с остатками закуски.

Спасатель – высокий парень с голливудским лицом – нащупал на шее пульс, достал рацию и, как в голливудском кино, деловито сказал:

– Врача к нам.

Димка так обнял Ангелину за шею, что ей стало трудно дышать. Вот, возись тут с чужими детьми, когда свой без присмотра...

– Что с ней? – брезгливо спросила Ангелина, смекнув, что, раз нужен врач, значит, самоубийство не удалось и появится шанс успеть управиться с пирожками.

– У нее есть родственники? – оставив ее вопрос без внимания, поинтересовался второй спасатель, простоватый мужичок с соломенными усами.

– Наверное, есть, – пожала Ангелина плечами. – Но она одна живет.

– Ребенка на кого оставить?

– Так она жива?! – на всякий случай уточнила Ангелина Васильевна, чувствуя легкое раздражение оттого, что «триллер» с самоубийством не состоялся и живописать его соседкам придется как «напилась вусмерть».

– Жива, жива, – усмехнулся усатый спасатель.

Ангелина прошлась по комнатам, собирая Димкины вещи – неизвестно теперь, сколько ребенок у нее пробудет. Забесплатно.

В спальне и гостиной царил беспорядок – шкафы раскрыты, комод выпотрошен, со стены исчез плазменный телевизор.

Пропила, все пропила, подумала Ангелина, собирая детские колготки и кофточки.

Она остановилась перед фотографией, на которой красным маркером было крупно написано «Лохи».

Что это значило, Ангелина не поняла, но не обеспокоилась. Кто их разберет, алкашей этих. Белая горячка – название всем их странностям...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.